

Глава 5

РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕРМАНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Вступление. — Планы сепаратного мира и реакция России. — Ставка на революцию. — Ленин, Гельфанд и Кескюла. — Гельфанд в Копенгагене. — Гельфанд и рабочие беспорядки в России. — Кескюла. — Политика Германии после февраля 1917 года. — Возвращение Ленина. — «Каналы и источники». — «Невероятная клевета» и еще более невероятные опровержения. — Заключение.

§ 1. Вступление.

История пособничества Германии (и Австро-Венгрии) русской революции во время Первой мировой войны, особенно в 1917 году, ни разу не была рассказана с начала до конца. И немудрено, ведь многие были жизненно заинтересованы в том, чтобы утаить размах и методы германского вмешательства. Документов не было, их заменяли слухи и толки, обвинявшие русские революционные круги, и особенно большевиков, в том, что они действуют заодно с германским правительством и принимают его помощь. Накануне революции обвинения в измене сильно способствовали дискредитации двора и царской администрации. Поэтому большевики, опасаясь той же участи, гневно отвергали всякие слухи, называя их реакционной клеветой.

Пересуды о том, что большевики связаны с немцами, не теряли политической остроты и во время гражданской войны. Тогда же была опубликована подборка документов (т.н. «документы Сиссона»)¹, из которой следовало, что Ленин и его соратники работают по немецкой указке и на немецкие деньги. Но и сами документы не вызвали доверия, впоследствии же было доказано, что это фальшивка (за исключением нескольких мало относящихся к делу подлинных документов, вкрапленных в серию, чтобы сделать ее более правдоподобной). И первоначальные подозрения относительно подлинности опубликованного, и изобличение подлога оказались очень на руку тем, кто считал, что на большевиков клеветают.

На этой точке спор замер до середины 50-х годов. В это время выплыли да свет некоторые несомненные документальные улики. В конце войны в руки союзников попал архив германского министерства иностранных дел. Часть документов была опубликована, но их очень мало использовали, чтобы по-новому и в свете новых сведений пересмотреть события 1917 года². Поэтому совершенно необходимо, используя накопившиеся данные, рассмотреть этот вопрос в отдельной главе, хотя,

возможно, в ближайшие годы, по истечении пятидесятилетнего срока, будут опубликованы и другие документы разных государственных архивов.

В 1914 году, начав войну на два фронта, Германия быстро убедилась, как важно развалить союз врагов и по возможности избавиться от одного из главных противников, заключив сепаратный мир, даже ценой определенных жертв. Усилия германского правительства шли в двух направлениях. Во-первых, немцы искали поддержки влиятельных лиц вражеских государств. Предполагалось, что среди них найдутся люди, которые сочувствуют общим политическим устремлениям Германии и войну с последней считают несчастьем для своей страны. Была надежда, что такие люди готовы добиваться сепаратного мира и смогут оказать влияние на правительство и общественное мнение. Во-вторых, помощь могла исходить от любых деструктивных сил в лагере противника, от любых смутьянов, независимо от их отношения к Германии.

§ 2. Планы сепаратного мира и реакция России.

Прежде всего, германское правительство пыталось использовать династические связи, чтобы склонить суверенов враждебных стран выйти из войны и даже объединиться с Германией против своих бывших союзников. Подобные предложения неоднократно делались русскому Двору при посредстве датского государственного советника Андерсена в Копенгагене и разных германских родственников императрицы Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Теперь с абсолютной достоверностью можно утверждать, что ни одна из этих попыток отклика не нашла. Последняя имела место летом 1916 года, причем Николай II дал понять датскому королю Христиану, что предметом обсуждения может быть только общий мир, а переговоры о сепаратном мире и нежелательны, и невозможны. Но переговоры об общем мире были неприемлемы для германского правительства. Когда японский посредник барон Ушида предложил Германии переговоры с Антантой, кайзер пришел в ярость и на рапорте Люциуса фон Штедтена от 17 мая 1916 года поставил следующую резолюцию:

Так как сепаратный мир не может быть заключен, вся эта фальшь не имеет смысла. Большого можно добиться решительными действиями. Они (т. е. японцы) нам не нужны как посредники для заключения общего мира³.

Николай II так, очевидно, и не узнал, что одним из инициаторов этих дипломатических акций по отношению к русскому двору был не кто иной, как его бывший премьер-министр граф Витте. В начале войны Витте написал письмо Мендельсону-Бартольди, директору немецкого банка, в котором хранились его значительные сбережения. Он возлагал вину за начало войны на англичан и уверял, что если бы он был у власти, то «этот ад никогда не разыгрался бы». Он предлагал «откровенные переговоры между императорами», которые можно было бы организовать при помощи семейных связей. Роберт Мендельсон передал это предложение германскому министру иностранных дел фон Ягову⁴.

Энергичным поборником интересов Германии в России был бывший секретарь Витте, некий Кольшко, ставший впоследствии известным журналистом⁵. Он был женат на немке, у него были прогерманские взгляды, но в обществе он заявлял себя русским патриотом. Через свою жену, жившую в Стокгольме, он поддерживал тесные связи со шведским банкиром, работавшим для Вильгельмштрассе. (В документах германского министерства иностранных дел это лицо называется «директором Бокельманом»). Кольшко был, кроме того, связан с крупным промышленником Гуго Стиннесом.

Кольшко обсуждал с немцами множество проектов, к примеру, проект приобретения какой-нибудь русской газеты с целью распространения идей сепаратного мира и разжигания антибританских и антифранцузских настроений в России. Он получал от немцев финансовую поддержку и надеялся на вознаграждение после войны, собираясь переселиться в Германию. С согласия немцев Кольшко продолжал выдавать себя за русского патриота и сохранял полную свободу действий. В то же время, летом 1916 года, он доказывал своим германским друзьям, что успехи Брусилова в Галиции в действительности выгодны для Германии, потому что в случае сепаратного мира для нее будет легче отказаться от восточной Галиции в обмен на балтийские территории⁶.

Идея газеты правительственного направления была одной из излюбленных идей русского премьер-министра Штюрмера и бывшего министра внутренних дел А.Н. Хвостова. В связи с этими журналистическими планами Кольшко удалось летом 1916 года добиться встречи со Штюрмером. Хотя беседа и длилась несколько часов и обсуждались общеполитические вопросы, из донесения Кольшко германской разведке (через «директора Бокельмана») следует, что он был крайне осторожен в разговоре со Штюрмером и что последний был, как обычно, сдержан. Однако позднее Кольшко иначе описывал свое свидание со Штюрмером Стиннесу⁷, преувеличенно и необоснованно утверждая, что в этой беседе он будто бы обсуждал со Штюрмером условия сепаратного мира и получил его согласие на дальнейшее зондирование

немецких настроений в этом отношении. Нет причин сомневаться в знакомстве Кольшко со Штюмером и в факте их разговора, но утверждение, будто он обсуждал с премьер-министром возможности переговоров о сепаратном мире, не имеет никаких оснований. Документ, в котором описан разговор между Стиннесом и Кольшко, создает впечатление, что Кольшко лгал во всем, что касалось полномочий, которые Штюмер дал ему на переговоры с немцами: когда Стиннес предложил Кольшко совместно составить письмо Штюмеру, то Кольшко сначала согласился, затем отказался и пытался уговорить Стиннеса адресовать письмо не Штюмеру, а управляющему канцелярией Манасевичу-Мануйлову⁸, который должен был прибыть в Стокгольм как первый неофициальный представитель для переговоров о сепаратном мире. Мы знаем, что из планов Кольшко ничего не вышло, так как Манасевич-Мануйлов был 16 августа арестован⁹.

Два месяца спустя возможность начать переговоры о сепаратном мире с Россией казалась Бетман-Гольвегу еще более отдаленной, чем весной. На заседании прусского Совета министров 28 августа 1916 года он заявил:

В марте наше военное положение было более выгодно, чем теперь, после крупных неудач Австрии (подразумевается поражение Австрии в Галиции летом 1916 года во время так называемого брусиловского наступления). В то время мы еще могли надеяться, что осенью, после взятия Вердена, мы сможем заключить приемлемый мир. В настоящее время военные перспективы значительно ухудшились, в связи с чем пошатнулись и надежды его величества на то, что Россия согласится на сепаратный мир, даже в случае восстановления наших военных позиций на востоке¹⁰.

Из проектов Кольшко ничего не вышло, но его безответственные разговоры косвенным образом имели важные последствия. В швейцарской социал-демократической газете «Бернер Тагвахт», издававшейся Робертом Гриммом совместно с Карлом Радеком, появилось сообщение из якобы достоверных источников о мирных переговорах между Германией и Россией. Известная речь Милюкова в Думе 1 ноября 1916 года, в которой он обвиняет правительство Штюмера и дворцовые круги в подготовке сепаратного мира с Германией, была вызвана этими слухами и сообщением в «Бернер Тагвахт»¹¹. К лету 1916 года кайзер, недовольный действиями своего правительства, поручил канцлеру Бетман-Гольвегу предпринять более решительные шаги по проникновению в Россию при содействии «банкиров, евреев и так далее» (sic). В своем ответе¹² Бетман-Гольвег заверяет кайзера, что министерство иностранных дел

поступает соответственно его указаниям, но что, к сожалению, самая в этом отношении «многообещающая личность» — банкир Дмитрий Рубинштейн — арестован в Петрограде во время «еврейского погрома». Однако Бетман-Гольвег не указывает, что заставляет его считать Рубинштейна «многообещающей личностью». Действительно, банкир Рубинштейн был в личных и деловых отношениях с доверенной императрицы Вырубовой, с Манасевичем-Мануйловым и с самим Распутиным. Согласно полицейским данным, он даже снабжал «старца» его любимым напитком — мадерой¹³.

После ареста Рубинштейна (он был арестован по подозрению в противозаконных финансовых операциях) немцы предпринимали шаги к сближению с каким-нибудь влиятельным лицом, воспользовавшись тем, что из Европы возвращалась русская парламентская делегация, которая ездила в союзные страны. Главой делегации был А.Д. Протопопов, заместитель председателя Думы, вскоре получивший назначение на пост министра внутренних дел. По пути в Стокгольм, на пароходе, один из пассажиров предложил Протопопову встретиться для доверительного разговора с крупным немецким промышленником, принадлежащим к влиятельной банкирской семье Варбургов. Протопопов посоветовался с русским поверенным в делах в Стокгольме. Последний решил, что встреча может оказаться полезной, и предложил еще одному члену делегации — графу Олсуфьеву — также принять участие в разговоре. Отчет о происшедшем был сделан с русской стороны обоими — Олсуфьевым и Протопоповым. Германское министерство иностранных дел сохранило в архиве отчет Фрица Варбурга¹⁴. Все отчеты сходятся в том, что вопрос о сепаратном мире не обсуждался и что с точки зрения немецких интересов попытка сближения никаких результатов не дала. Однако этим дело не кончилось. Несмотря на то, что Протопопов по возвращении в Петроград, проявив на этот раз осмотрительность, дал своим коллегам по Думе и министерству иностранных дел полный отчет о разговоре в Стокгольме, тот факт, что он «вошел в соприкосновение с немцами», был использован против него, как только он был назначен министром внутренних дел. Пошли слухи, что на Протопопове остановили свой выбор потому, что он перешел в «немецкую партию» императрицы и готов приложить свои усилия к заключению сепаратного мира.

Хотя германские попытки ослабить решимость России продолжать войну не приносили их дипломатам ничего, кроме разочарования, они все же имели косвенное влияние на то, что происходило внутри России. В широкие общественные круги об этих попытках проникало достаточно сведений, чтобы питать слухи о подготовке сепаратного мира, которую якобы ведут высшие круги при участии «темных сил».

Теперь нет никаких сомнений в том, что «высшие круги» никогда ничего подобного не делали. Что же касается «темных сил», то те сомнительные личности, которые пробовали получить влияние при дворе через Распутина и Вырубову, никогда не выступали в качестве объединенной группы со своей политической программой и никогда не действовали как организованный «черный блок». Во всяком случае, в конце 1916 года и немцы перестали заниматься этим бесперспективным делом.

Разные службы контрразведки в России были прекрасно осведомлены о германских попытках добиться сепаратного мира. Но из тех отрывочных сведений о деятельности этих организаций, которыми мы располагаем, явствует, что в их работе было много путаницы, накладок, злоупотреблений и бестолочи. Даже многие успешные операции были подчас вызваны склонностью к своего рода «охоте на ведьм». В начале войны патриотические и шовинистические настроения разжигались пропагандой расовой вражды и клеветой на немцев, которые до некоторой степени заменили евреев в роли «чужеродных кровопийц». Антинемецкая агитация повредила всем русским подданным немецкого происхождения независимо от их положения: коммерсантам и инженерам из Германии и Австро-Венгрии, помещикам и дворянству Прибалтики, немецким крестьянам-колонистам (самая большая группа которых жила на Волге с XVIII века) и, наконец, тем бесчисленным русским немецкого происхождения, которые давно совершенно обрусели. Все эти группы в большей или меньшей степени подвергались обвинениям в «искательстве» и в недостаточном понимании русского национального Духа. Выражения «немецкое засилье» (как намек на проникновение в экономику России), «неоправданные привилегии» и «тевтонское зазнайство» склонялись на все лады. Агитация против «немецкого засилья» привела к антинемецким погромам, разграблению предприятий и домов, принадлежавших лицам с немецкими фамилиями. Рабочие беспорядки в обеих столицах и других городах принимали антинемецкий шовинистический характер¹⁵. От этой антинемецкой кампании пострадали многие дельцы-коммерсанты, которых обвиняли в преднамеренном саботировании военных усилий страны. Немцы и австро-венгры, даже принявшие русское подданство, теряли места, а многие ссылались в восточные и северные области. Положение гвардейских и армейских офицеров с немецкими фамилиями, особенно на высоких должностях, становилось все труднее. При дворе эта кампания была, пожалуй, наименее заметна. Личное покровительство императора гарантировало придворным сановникам защиту от шовинистических выпадов. Это, однако, раздражало общественное мнение, которое принимало присутствие немцев, включая министра двора графа Фредерикса (который на самом деле был не немецкого,

а шведского происхождения), за доказательство того, что «немка» (то есть императрица) возглавляет «немецкую партию».

Одним из тех, кто особенно активно выступал против «немецкого засилья», был генерал М.Д. Бонч-Бруевич¹⁶, в свое время арестовавший и казнивший как немецкого шпиона полковника Мясоедова¹⁷. Борьба с немецким влиянием в промышленности, превратившаяся в руках контрразведки, с которой Бонч-Бруевич был тесно связан, в своего рода «охоту на ведьм», очень вредила работе промышленности, в том числе военной. Бонч-Бруевич систематически преследовал крупную фабрику Зингера, которая создала по всей стране торговую сеть по продаже швейных машин, применяя тогда еще новый принцип продажи в рассрочку. Контрразведка утверждала, что служащие Зингера в действительности были засекреченной немецкой шпионской сетью¹⁸.

Либералы, единственные, от кого можно было ждать выступления против этой шовинистической кампании, защиты ни в чем неповинных людей, молчали, за исключением только одного случая, а именно московского погрома в мае 1915 года, давшего им повод обвинить правительство. Они молчали, потому что слухи о том, что правительство ведет за спиной народа переговоры о сепаратном мире, а также слухи о немецкой партии при дворе и о мифическом «черном блоке» использовались ими в борьбе с правительством.

В действительности попытки германского правительства завести переговоры о сепаратном мире были, как мы знаем, безуспешны, и в конце 1916 года другой метод, политика революционизирования (Revolutionierungspolitik), никогда, впрочем, не исключавший идеи сепаратного мира, привлек внимание как Вильгельмштрассе, так и, в особенности, политического отдела германского генерального штаба.

§ 3. Ставка на революцию.

Поддержка мятежников в России, Англии и Франции была частью стратегии германского верховного командования с самого начала войны. Непосредственно перед войной Австро-Венгрия стала поддерживать сепаратистские движения в России, Германия же, в силу близких личных отношений кайзера Вильгельма с Николаем II, должна была проявлять большую предусмотрительность¹⁹. В 1912 году Ленин обосновал свой главный штаб в Поронино, на австрийской территории, близ Кракова. Рязанов, один из самых известных теоретиков социал-демократического движения, работал в Вене. Троцкий тоже с 1910 года жил в Вене, откуда руководил разнообразной

журналистско-пропагандной деятельностью в России и за границей. В то же время, австрийцы терпели и поддерживали украинских сепаратистов, вероятно, в ответ на панславянскую пропаганду, которая велась в русской прессе, особенно в газете «Новое Время».

С развитием военных действий, немецкие учреждения, задачей которых было политическое разложение противника, переняли агентов, находившихся на австрийской службе. Германские посольства в нейтральных странах постоянно осаждались людьми разных национальностей (финские националисты, польские графы, украинские церковники, кавказские князья и разбойники с большой дороги) и революционными интеллигентами всех мастей, желавшими создавать комитеты освобождения, распространять националистическую пропаганду и работать в интересах независимых и свободных государств, которые, как они надеялись, возникнут при разделе Российской Империи. Сначала среди тех, кто добровольно поддерживал немцев, не было представителей русских революционных партий — ни социал-демократов обеих фракций, ни эсеров.

В начале войны немецкая полиция не делала различий в отношении подданных враждебных стран, очутившихся в Германии, не разбирала, враги они или сторонники существующего в их стране режима. В произвольных решениях интернировать или выслать того или иного иностранца, или разрешить ему остаться в Германии под полицейским надзором, общая линия не прослеживается. Некоторые русские революционеры были высланы в Скандинавию, откуда, кто смог, вернулись в Россию. Другие перешли швейцарскую границу и присоединились к проживавшим там политическим эмигрантам. Некоторые из них, особенно последователи маститого марксиста Плеханова, оборонца и друга союзников, переехали в Париж, где им удалось основать собственную газету «Наше Слово». Иные, как, например, бывший большевистский депутат Думы Малиновский, который в 1913 году покинул Россию (в связи с предъявлением ему обвинения в работе секретным осведомителем охранки), были как бы интернированы, но потом использовались политическим отделом германского генерального штаба как агитаторы среди русских военнопленных. Сотрудничество Малиновского с русской полицией еще не получило широкой огласки, и он поддерживал связь с Лениным. Ленин протектировал ему и принуждал к молчанию меньшевиков и тех большевиков, которые открыто обвиняли Малиновского.

Другим же эмигрантам, тем или иным образом связанным с лицами, имеющими политическое влияние в Германии или Австрии, было разрешено оставаться в стране под полицейским надзором.

Ленин в начале войны был арестован в Поронино. Но его доверенное лицо, Фюрстенберг-Ганецкий, обратился к главе австрийских социалистов Виктору Адлеру, который заступился за Ленина перед австрийскими властями. Адлер указывал на то, что ленинское антимоноархическое направление может в ближайшем будущем оказаться полезным. Через две недели после ареста Адлер добился освобождения Ленина. Ленин, его жена Крупская и его ближайший в то время помощник Зиновьев получили разрешение выехать в Швейцарию в сентябре 1914 года²¹.

Ленин и его близкие приехали в Швейцарию почти без денег и без необходимых документов. Но у Ленина были друзья, которые познакомили его со швейцарским социалистом немецкого происхождения Карлом Моором, членом бернского Союзного совета и бывшим издателем социалистической «Бернер Тагвахт». Имя Карла Моора было не единственной причудливой его чертой. Карл Моор родился в 1853 году. Он создал себе почтенное имя в швейцарском социал-демократическом движении, что не мешало ему осведомлять о жизни швейцарских социалистов австрийский и германский генеральные штабы. Моор был хитрым и осторожным человеком. Его контакты с немцами были очень тщательно закамуфлированы. Он способствовал опубликованию «Under Western Eyes»²², помогал эмигрантам-социалистам в их делах с полицией и местными властями, а также поддерживал их материально. В особенно дружеских отношениях он был с большевиком доктором Григорием Шкловским, а также с меньшевистским лидером Павлом Аксельродом. Карл Моор устроил Ленину вид на жительство в Швейцарии и очевидно поддерживал с ним и другие деловые отношения при посредстве Шкловского²³.

В Швейцарии Ленин оказался в окружении небольшой группы своих единомышленников. Так как с началом войны прекратилось почтовое сообщение с Россией, Ленин не мог поддерживать контактов со своими тамошними приверженцами. Только усилиями Крупской удалось восстановить большую часть ленинских связей²⁴. Но разрыв Ленина с «оборонцами» по всей Европе и его неуступчивость по отношению к «центристам», как Каутский в Германии, или к группе, сложившейся вокруг газеты «Наше Слово» в Париже, привели его к изоляции.

В начале войны германское правительство обращало мало внимания на трения и раздоры в среде русских политических эмигрантов. Некоторое сближение с этими кругами связано с пропагандой среди военнопленных, число которых быстро увеличивалось после разгрома армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года. Следуя методу австрийцев, немцы разграничивали пропаганду среди национальных меньшинств и пропаганду среди русских подданных вообще. Что

касается меньшинств, то наибольшее внимание обращалось на украинцев и финнов. Для русских решено было издавать газету «На чужбине». Ввиду этого намерения немцы искали сотрудников среди революционно настроенных эмигрантов. Видимо, работа газеты была организована политическим отделом германского генерального штаба, а связи с заграницей поддерживались аккредитованными дипломатическими представителями. В силу указанных обстоятельств, германское посольство в Берне начало проявлять интерес к русским эмигрантам-революционерам. Контакты налаживались очень осторожно, учитывая крайнюю политическую чувствительность эмигрантов. Кроме того, германские круги, по понятным причинам, опасались, что эмигранты могут быть разоблачены как немецкие агенты. Многие из согласившихся сотрудничать в газете, в том числе такие люди, как лидер эсеров и теоретик аграрного социализма В. Чернов, или превосходный библиограф Рубакин, были уверены, что действуют независимо и вносят свой вклад в политическое образование несчастных военнопленных, которых царское правительство держало в невежестве²⁵.

§ 4. Ленин, Гельфанд и Кескюла.

Трудно предположить, что Ленин не знал об этой деятельности немцев в первый год своего пребывания в Швейцарии, хотя совершенно нет указаний, что он сам участвовал в ней в то время. Однако уже в сентябре 1915 года один эстонский эмигрант в Швейцарии, некий Александр Кескюла, установил контакт с немецким послом в Берне Ромбергом, передав ему точную информацию об отношении русских эмигрантов к войне. Во время революции 1905 года Кескюла, будучи одним из членов большевистской партии Эстонии, проявил значительные руководительские способности. В эмиграции он отошел от марксизма, увлекшись романтической концепцией эстонского национализма. К русским революционерам как таковым Кескюла испытывал глубокое презрение, исключение он делал только для Ленина, организаторский талант и последовательность которого считал выдающимися и которого очень уважал. Кескюла встретился с Лениным только один раз, зато поддерживал с ним косвенную связь через эстонского большевика по имени Зифельдт²⁶. При посредничестве Кескюлы германскому министерству иностранных дел стали известны взгляды Ленина на войну²⁷. 30 сентября Ромберг сообщил о так называемой ленинской программе сепаратного мира с Германией²⁸. Это должно было произвести большое впечатление на Вильгельмштрассе. Ромберг неопределенно предлагал передать сущность ленинской программы германским агентам во Франции

для распространения, но в Берлине на это не согласились. Помощник министра иностранных дел Циммерман заявил, что содержание программы не должно распространяться, так как программа может попасть в руки царского правительства и это вызовет усиленное преследование революционеров. Сам министр фон Ягов телеграфировал об этом Ромбергу²⁹. По-видимому, к программе Ленина отнеслись в Германии серьезно, и если бы он изъявил малейшее намерение вступить в прямой контакт с немцами, его инициатива была бы встречена положительно. Но, видимо, между Лениным и германскими властями прямого контакта никогда не было, хотя говорить об этом с полной уверенностью нельзя. Ленин был очень опытным конспиратором, а немцы держались с максимальной осторожностью.

По свидетельству Кескюлы, через него и Зифельдта Ленин получал в то время небольшие суммы из некоего не названного источника. Позднее выяснилось, что деньги для Ленина Кескюла получал от Ромберга³⁰. В 1916 году германское посольство в Швейцарии стало интересоваться журналистской деятельностью Ленина. Ленин в то время издавал газету «Социал-Демократ» и журнал «Сборник Социал-Демократа». Главными сотрудниками были сам Ленин и Зиновьев. Два номера журнала вышли во время войны, третий задержался из-за недостатка средств. В архивах немецкого посольства в Берне сохранилась переписка, из которой видно, что после некоторых колебаний немцы решили предоставить средства для издания, через каналы, приемлемые для Ленина. Несмотря на это, очередной номер журнала не вышел. Началась Февральская революция.

Информация, которую в сентябре 1915 года дал немецкому правительству Кескюла, была не первым сообщением о Ленине, полученным немцами. На фракцию большевиков в русской социал-демократической партии майскому министерству иностранных дел указал в марте 1915 года в своем меморандуме³¹ Александр Гельфанд, он же Парвус, сыгравший значительную роль в подрывной деятельности немцев в России. Он — живое доказательство, что авантюристы XX века могли играть решающую роль в политике великих держав во время Первой мировой войны не в меньшей степени, чем такие же авантюристы в интригах итальянских государств эпохи Возрождения.

Гельфанд, русский еврей, родившийся в Березине (Белоруссия) и получивший образование в Одессе, рано присоединился к революционному марксистскому движению. Он скоро понял, какие громадные личные преимущества дает глубокое знание экономических и социальных проблем в разных частях мира, и выучился обменивать эти знания на власть и влияние в международной политике. В конце

прошлого столетия он эмигрировал в Германию и завязал знакомства в немецких социалистических кругах. Во время голода 1898–1899 гг. Гельфанд вернулся в Россию, после чего опубликовал исключительно хорошо документированный труд о причинах голода³². В период, предшествовавший революции 1905 года, он считался одним из ведущих марксистских теоретиков. Он играл активную роль в петербургском совете 1905 г. и был близким сотрудником Троцкого, в газете которого публиковал свои статьи (иногда под псевдонимом «Молотов»). В 1916 году Гельфанд был арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал приблизительно в одно время с Троцким, опять устроился в Германии, где продолжал работать в качестве издателя, а также литературного и театрального посредника, продолжая писать и для германской социал-демократической прессы. Хотя он не вмешивался во внутривнутрипартийную борьбу русских социал-демократов, считалось, что он стоит на стороне меньшевиков. Он не ладил с Лениным, не разделяя его теории о «революционном авангарде», так как считал, что революционная партия нужна только в качестве закваски, чтобы возбудить брожение, которое должно привести к социальному прогрессу, и что массы сами должны выдвигать руководителей из своей среды.

Так как Гельфанда социальное движение всегда интересовало в интернациональном масштабе, он обратил внимание на неустойчивую ситуацию на Балканах. В 1910 году он перенес свою деятельность в Константинополь, где, ведя крупное предприятие по экспорту и импорту, продолжал социал-демократическую пропаганду. Он гордился заключенной с Россией сделкой по доставке зерна, которая, как он утверждал, спасла режим младотурок от катастрофы. Есть также сведения, что он одновременно занимался контрабандой устаревшего немецкого оружия, которое на Балканах пользовалось большим спросом. Этими сделками он составил себе крупное состояние. В 1914 году Гельфанд много потрудился, чтобы склонить левое общественное мнение Турции одобрить вступление Турции в войну на стороне центральных держав, и оказал услугу немцам, помогая некоему доктору Циммеру в организации украинской пятой колонны³³.

Вскоре после начала войны Гельфанд отправился в Германию через Софию, Бухарест и Вену. В Болгарии он вел откровенную пронемецкую пропаганду среди болгарских социал-демократов, а в Румынии установил тесный контакт с Христианом Раковским и другими социал-демократами. Эту связь он поддерживал в течение последующих лет. В Вене он возобновил дружбу с Рязановым, который, будучи русским подданным, проживал там во время войны, пользуясь покровительством испанского посольства. Из Вены Гельфанд поехал в Берлин, где в начале марта 1915

года изложил германскому министерству иностранных дел свои планы по организации революции в России и попросил оказать ему материальную поддержку³⁴. Согласно данным Вангенхайма, германского посла в Константинополе, рекомендовавшего Гельфанда министерству иностранных дел, Гельфанд считал, «что русские демократы смогут добиться своих целей только при полном уничтожении царизма и разделе России на более мелкие государства». Поэтому интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров и сепаратистов³⁵. В связи с этим Гельфанд предложил следующий план: организовывать экономические забастовки в разных частях России, особенно в Петербурге и черноморских портах, превращая их постепенно в забастовки с политическими требованиями; конечной целью должна была быть всеобщая забастовка, которая повлекла бы за собой падение царского режима³⁶.

Этот план вызвал большой интерес. Германское правительство через министерство иностранных дел немедленно ассигновало значительные суммы для революционной пропаганды в России, и Гельфанду были предоставлены особые льготы для путешествия по Германии и за границей³⁷. Вернувшись через Балканы в Константинополь, Гельфанд ликвидировал свое торговое предприятие и развернул подпольную деятельность. Возвращаясь в начале лета 1915 года в Германию, он остановился на несколько дней в Швейцарии, чтобы лично вступить в контакт с руководством русских эмигрантов-революционеров.

Гельфанд надеялся, что русские социал-демократы пораженцы, главным теоретиком которых, как он сообщил немцам, был Ленин, примут его план немедленной революции в России. Но так как отношения с Лениным не отличались взаимным доверием и взгляды на роль профессиональных революционеров расходились как в теории, так и на практике, из предполагаемого сотрудничества ничего не вышло. Ленин знал, что Гельфанд поддерживал социал-демократическое оборонческое большинство в Германии в начале войны. Ничто не могло бы вызвать у него большего подозрения к Гельфанду.

Гельфанд понял также, что пораженчество Ленина принципиально отличалось от его плана разрушения России. Гельфанду падение царского режима и расчленение Российской Империи были необходимы для обеспечения гегемонии Германии, где, как он предполагал, скоро должна была восторжествовать идея социализма, может быть даже без революции. Для целей Гельфанда германское правительство и германская военная машина были гораздо более надежными союзниками, чем русские большевики, которые ждали революции в России, не выработав реальных путей ее

осуществления. Революция в России была необходима только для того, чтобы проложить путь осуществлению прогрессивных принципов германского социализма.

Несмотря на это, Ленин в конце весны 1915 года согласился встретиться с Гельфандом. Результат этой встречи и содержание беседы с Лениным остались тогда тайной. Гельфанд покинул Швейцарию, не достигнув соглашения ни с кем из русских эмигрантов. Немцам он сообщил, что не договорился с Лениным и решил проводить свой план революции в России самостоятельно. Встреча Гельфанда с Лениным не осталась секретом для русской эмиграции в Швейцарии и других странах. Григорий Алексинский, в то время сотрудник Ленина, впоследствии ему изменивший, утверждал, что он знал о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом относительно организации революции в России и о немецкой финансовой поддержке планов Ленина. На основании этого утверждения в 1917 году большевиков обвиняли в том, что они были германскими агентами. Ленин утверждал, что никакого соглашения не было и что он порвал отношения с Гельфандом сразу после короткой встречи с ним в Берне. Гельфанд в своей брошюре, изданной в 1918 году, подтвердил это³⁸. Гельфанд писал:

Читатель знает, что, хотя большевики также стояли за военное поражение России, между мной и ими была разница взглядов. Я учитывал действующие факторы, экономические, политические, военные, соотношение сил, возможные результаты, — для большевиков же на все и на вся был готовый ответ: революция. Их достаточно предупреждали и показывали им действительное положение дел.

Я виделся с Лениным летом 1915 года в Швейцарии. Я развил ему свои взгляды на социально-революционные последствия войны и вместе с тем предупреждал, что, пока длится война, революции в Германии не будет, что революция в это время возможна только в России и здесь явится результатом германских побед.

Зифельдт в своих воспоминаниях тоже описывает эту встречу, конечно, подчеркивая враждебный прием, который Ленин и Крупская оказали Гельфанду, и подтверждает отрицательные результаты разговора³⁹. Неприязненное отношение Алексинского к Ленину и свидетельство обоих участников об отрицательных результатах их встречи явно указывают, что сговора не произошло. С другой стороны, и открытого разрыва, о котором говорит Зифельдт, утверждая, что Ленин выгнал Гельфанда, тоже, очевидно, не произошло. Ленин воздерживался от нападок на Гельфанда в прессе до тех пор, пока не был на это спровоцирован появлением в печати

первого номера журнала Гельфанда «Ди Глоке» в сентябре 1915 года. Гельфанд вел себя так же. Когда началась Февральская революция, он был одним из главных сторонников, если не инициатором, плана отправки Ленина тем или иным путем в Россию. До самого 1918 года Гельфанд надеялся помириться с Лениным и присоединиться к победившим большевикам.

Ленин всегда относился к Гельфанду холодно и неприязненно. Он отсоветовал молодому Бухарину сотрудничать в исследовательском центре по изучению экономических последствий мировой войны, который был основан Гельфандом в Копенгагене. С другой стороны, Ленин знал, что с Гельфандом сотрудничает один из его верных соратников, Фюрстенберг-Ганецкий, и никогда ничем этому не препятствовал⁴⁰. Впоследствии Ленин говорил, что Фюрстенберг был просто служащим в торговом предприятии Гельфанда. Это не так. Фюрстенберг активно участвовал в крупных нелегальных торговых операциях, которые Гельфанд развернул в Дании с ведома и при поддержке германских властей⁴¹. Это предприятие нужно было Гельфанду, чтобы финансировать революцию в России. В марте 1915 года он кратко изложил свои планы германскому правительству. Часть самых рискованных дел провел для Гельфанда Фюрстенберг, и в январе 1917 года его выслали из Дании за нарушение военных торговых законов. Фюрстенберг, который скрывал свою связь с Гельфандом, играл в Дании роль подставного лица⁴². Ленин не мог не знать об этой стороне деятельности Фюрстенберга, и его осведомленность равносильна молчаливому одобрению. Больше того, Ленин имел больше доверия к Фюрстенбергу, чем к гораздо более добросовестному работнику — Шляпникову. В 1917 году, перед возвращением в Россию, Ленин предлагал, чтобы «Куба» (кличка Фюрстенберга в революционных кругах), «положительный и умный парень», поехал в Петроград для выправления уклонов большевистских вождей⁴³.

В одном отношении утверждение о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом, конечно, необоснованно: мы имеем в виду финансовую поддержку, которую Ленин, якобы, получал от Гельфанда. Несмотря на мелкие суммы, передававшиеся немцами Ленину через Кескюлу и Зифельдта, бедность Ленина во время его пребывания в Швейцарии не подлежит сомнению, как в отношении его личных средств, так и в отношении финансирования его публикаций. В письме Шляпникову в Копенгаген (сентябрь/октябрь 1916 года) Ленин пишет:

О себе лично скажу, что заработок нужен, иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить силком деньги (о деньгах Беленин поговорит с Катиным и с самим Горьким, конечно, если не

будет неудобно) от издателя «Летописи», коему посланы две моих брошюры (пусть платит; тотчас и побольше!). То же — с Бончем. То же — насчет переводов. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне⁴⁴.

Германские власти не вмешивались в политическую деятельность Ленина, связанную с Циммервальдской и Кинтальской конференциями. Их информировали о происходящем их агент Карл Моор и, возможно, Раковский. Они не слишком были обеспокоены влиянием пораженческой пропаганды Ленина на широкие круги германских социал-демократов. Они не верили также в способность Ленина устроить революцию в России. Это подтверждали и слова самого Ленина о том, что он не верит в падение царизма в ближайшем будущем и вообще при своей жизни. И все же германские службы считали, особенно после доклада Кескюлы в 1915 году, что если в России произойдет революция, то Ленин будет играть в ней большую роль. Эта уверенность поддерживалась донесениями всех их агентов, включая Гельфанда, Кескюлу, Моора и не очень щепетильного эсера-эмигранта Цивина. Но поскольку революция все еще была весьма отдаленной возможностью, Ленин пока оставался для Германии фигурой малоэффективной и неприкасаемой и мог спокойно сидеть в своем швейцарском уединении.

§ 5. Гельфанд в Копенгагене.

Несмотря на неудачу переговоров Гельфанда с Лениным и другими эмигрантами, жившими в Швейцарии, он не был обескуражен. Он никогда не боялся трудностей и не падал духом от неудач и недостатка симпатии и понимания. Если Ленин и его последователи не хотят с ним сотрудничать, ему придется взяться за дело самому.

Летом 1915 года Гельфанд поехал из Швейцарии в Копенгаген. Здесь в течение следующих двух лет он основал ряд разнообразнейших предприятий. Во-первых, он создал исследовательский центр «по изучению экономических последствий мировой войны». Центр собирал статистическую информацию по социальным и экономическим вопросам в воюющих и нейтральных странах, будто бы для того, чтобы разработать план экономической организации мира после войны. В действительности это была удобная ширма для того, чтобы дать работу известному количеству русских революционеров, которые во время войны болтались без дела. Они были рады

предоставить свои знания и личные связи в распоряжение такого щедрого работодателя, как Гельфанд.

Во-вторых, Гельфанд основал в Германии политический еженедельник «Ди Глоке» (Колокол), занимавшийся пропагандой его идеи о том, что социалисты должны поддерживать Германию. В-третьих, он начал интенсивную торговую деятельность, которой руководил из Копенгагена при посредстве ряда финансируемых им торговых обществ. Этим он значительно увеличил свое и без того уже большое состояние.

Гельфанд не оставил почти никаких следов своей деятельности в Дании, но косвенные данные позволяют без труда установить ее характер⁴⁵. Общая картина такова: сам Гельфанд выступал только как директор исследовательского центра и как главный редактор журнала «Ди Глоке»⁴⁶. Различные его коммерческие предприятия велись подставными лицами. Ими управляли: друг Ленина Фюрстенберг-Ганецкий и братья Георг и Генрих Скларц, которые работали на политический отдел германского генерального штаба. Такая многосторонняя деятельность была хорошим способом камуфляжа и финансирования настоящей цели пребывания Гельфанда в Копенгагене: этой целью всегда была и оставалась революция в России.

Гельфанду было не трудно добиться поддержки немецкого посла в Копенгагене графа Брокдорфа-Ранцау. Посол уже сделал попытку начать переговоры с Россией о сепаратном мире при посредничестве датского двора, но потерпел неудачу. Граф был расплывчато «прогрессивным» и каким-то образом считал необходимым «большее участие масс в политической жизни Германии». Гельфанд легко убедил его, что в Германии политический и социальный прогресс возможен только после падения реакционного гиганта на востоке и его расчленения.

Блестящий отзыв Брокдорфа-Ранцау о Гельфанде, переданный министерству иностранных дел, был подтвержден особым докладом старого друга Гельфанда по Константинополю, доктора Циммера. По поручению министерства иностранных дел, доктор Циммер прибыл инспектировать деятельность и финансовое положение Гельфанда в Копенгагене. Циммер сообщил, что у Гельфанда восемь агентов в Копенгагене и десять резидентов в России. Ни один из последних не был назван. Гельфанд не обязан был сообщать их имена немцам. Достоверными свидетельствами доказаны отношения Гельфанда с Христианом Раковским в Бухаресте. О том, кто были «наши люди в Петрограде», или где бы то ни было в России, нет никаких данных.

С самого начала связи Гельфанда с германским правительством отличались известным своеобразием. Гельфанд не только предложил разработанный им план разрушения России, но и собственные связи и организацию для осуществления этой

цели. При этом он мог сослаться на то, что в свое время уже организовал тайные каналы связи через Болгарию, Румынию и Украину. Далее, он предложил свой коммерческий опыт и талант для снабжения Германии сырьем, столь необходимым для ведения войны. В 1916 году Гельфанд заключил в Дании гигантскую сделку, благодаря которой английский уголь был вытеснен с датского рынка и заменен немецким углем, за который Германия получила весьма нужную валюту. Гельфанд был человек с почти неограниченными материальными средствами и лично не нуждался в субсидиях. Его положение было таково, что он без труда мог получить у немцев гораздо более крупные суммы, чем кто бы то ни было другой, суммы, которые, как он утверждал, были необходимы для реализации его планов.

Хотя министр иностранных дел фон Ягов относился к планам Гельфанда несколько скептически, а Гельферих, глава экономического военного отдела, высмеивал некоторые финансовые предложения Гельфанда⁴⁷, последний в течение 1915 года получал от министерства иностранных дел крупные денежные средства. Кроме миллиона марок, который он получил в марте, до возвращения на Балканы, главным образом в целях установления контактов в Бухаресте, он получил также миллион рублей в декабре, и еще одно ассигнование в пять миллионов марок в июле. Эти пять миллионов министр Ягов запросил для «революционной пропаганды в России». Инициатива, без сомнения, исходила от Гельфанда и его копенгагенских сотрудников⁴⁸.

Министерство иностранных дел Германии, вероятно, не было единственным государственным учреждением, с которым Гельфанд поддерживал связи. Существовал еще и политический отдел генерального штаба, тоже работавший над подготовкой революции в России. Можно предполагать, что Гельфанд имел с ним прямые или косвенные контакты. Политическим отделом руководил полковник фон Хюльзен, с министерством иностранных дел он был связан через Курта Ризлера, который встречался с Гельфандом в Берлине в марте 1915 года⁴⁹. Доктор Циммер, а также братья Скларц, которые работали на Гельфанда, тоже были связаны с политическим отделом. Министерство иностранных дел информировалось политическим отделом только в общих чертах. Германские посольства в скандинавских странах, как правило, находились вне контроля политического отдела.

Обосновавшись в Копенгагене и будучи уверен в немецкой поддержке, Гельфанд продолжал осуществлять свой план, изложенный в мартовском меморандуме. Он не обращал внимания ни на скептицизм Ягова, ни на яростные нападки Ленина после выхода в свет первого номера журнала «Ди Глоке».

В декабре 1915 года Гельфанд объяснил Брокдорфу-Ранцау, что нельзя больше терять времени: положение промышленности в России таково, что ее экономические трудности можно легко использовать политически. Внутреннее положение, в связи с тем, что 3 сентября 1915 года была прервана сессия Думы⁵⁰, благоприятствует восстанию. В основном Гельфанд не вводил немцев в заблуждение. Внутреннее политическое положение России значительно ухудшилось, обострилась борьба между Думой и общественными организациями с одной стороны и царем и правительством — с другой. В особенности после того, как в августе 1915 года царь стал Верховным Главнокомандующим.

Попытки Гельфанда втянуть министерство иностранных дел в подготовку революции в России дошли до того, что он прямо предложил министерству устроить революцию в январе 1916 года. Роль зачинщика должно было сыграть какое-то доверенное лицо, которое так и осталось не названным. Это лицо должно было организовать всеобщую забастовку 9-го января, в годовщину «Кровавого воскресенья» 1905 года. Гельфанд утверждал, что его агенты смогут вывести на улицу 100000 человек и что забастовка в столице найдет поддержку по всей стране. Его доверенное лицо «начало бы немедленную организацию связи между отдельными революционными центрами»⁵¹.

Ни Гельфанд, ни его доверенное лицо не могли обещать абсолютного успеха. Они утверждали, что «революцию можно начать около 9/22 января» (старый и новый стиль) и что даже если она и не охватит мгновенно всю Россию, то безусловно «пошатнет положение в стране». Одновременно Гельфанд указывал на то, что рабочие уже в 1905 году были готовы к революционным действиям, но буржуазные партии теперь не желают оказывать революционному движению финансовой поддержки. Поэтому Гельфанд считал необходимым, чтобы его доверенному лицу была немедленно предоставлена сумма размером в миллион рублей⁵². Германское министерство иностранных дел немедленно выделило требуемую сумму⁵³, и Гельфанд доложил Брокдорфу-Ранцау, что деньги переведены в Петербург⁵⁴.

Хотя утверждения Гельфанда были слишком самоуверенны, а ожидания преждевременны, они не были лишены оснований. 9 января было очень удобным днем для начала забастовки, так как этот день стал чем-то вроде неофициального рабочего праздника, в особенности в Петрограде. К тому же есть свидетельство, что к этому дню в Петрограде готовилось что-то вроде всеобщей забастовки.

§ 6. Гельфанд и рабочие беспорядки в России.

Павел Будаев, активный большевистский агитатор, известный член петроградского профсоюза пекарей, отправил в начале марта 1916 г. приятелю, находившемуся в ссылке в Восточной Сибири, точное описание январских событий. Перехваченное полицией письмо было впоследствии обнаружено в полицейских архивах⁵⁵. Будаев писал:

9 января бастовали все заводы, причем застрельщиком была Выборгская сторона. Интересна была позиция ликвидаторов, — в большинстве они выступали против стачки 9 января, мотивируя тем, что через две недели все равно все заводы встанут за отсутствием топлива, но они не послушали. Только на заводе «Новый Айваз» ликвидаторы дружно выступили за стачку.

Были демонстрации, причем встречавшиеся солдаты на автомобилях и так демонстрантам кричали «ура», но их даже не пускали из казарм, причем в казармах охрана была усилена, и у телефонов было усиленное дежурство, а отправляющимся в патруль солдатам оставшиеся наказывали «не смей стрелять». Демонстрации повторились и 10 января, т.е. на второй день, а на Выборгской стороне в 6 часов вечера была устроена демонстрация совместно с солдатами, — сами несли красный флаг. Пред 9 января арестовано всего 600 человек⁵⁶.

Сообщение Будаева подтверждается другими источниками, как со стороны революционных деятелей, так и со стороны полиции. Число демонстрантов 9 января оценивается по-разному: 42 000, 45 000, 66 000 и даже 100 000⁵⁷.

Следующая волна рабочих беспорядков началась в феврале на Путиловском заводе в Петрограде. В меморандуме Гельфанда (март 1915 года) этот завод, наряду с двумя другими, уже упоминался в качестве объекта его революционных усилий⁵⁸. Неблагоприятные отношения на Путиловском заводе сложились уже с первых дней войны. Рабочие были убеждены — правильно или нет, — что управление заводом находится в руках немцев и евреев, которые или уже саботируют военные заказы, или готовы к этому. Администрация еще ухудшила отношения тем, что в собственных интересах использовала право освобождать рабочих от военной службы⁵⁹.

До середины 1915 года казалось, что недовольство рабочих вызвано патриотическим рвением и желанием улучшить свое экономическое положение. Однако в августе 1915 года рабочие начали предъявлять политические требования⁶⁰. 3 февраля 1916 года механики электротехнической мастерской потребовали повышения

платы на 70%. Управление завода отказалось удовлетворить это требование и обратилось за помощью к начальнику Петроградского военного округа князю Туманову. Туманов объявил по заводу, что намерен «военизировать предприятие», т.е. мобилизовать всех военнообязанных и подчинить их военной дисциплине. 16 февраля дирекция закрыла завод на три дня, потом, так как беспорядки продолжались, еще на неделю 23 февраля. Это было ровно за год до вспышки рабочих беспорядков в 1917 году.

Будаев утверждает, что стачками на Путиловском заводе руководил петроградский комитет социал-демократической партии и эсеры. Одним из лозунгов забастовщиков было «долой войну». Согласно полицейскому докладу, «ленинская» группа подменила экономические требования забастовщиков политическими⁶¹. Особенно интересны выпущенные большевистским петроградским комитетом листовки, призывающие к политической забастовке. Листовки называли распоряжение генерала Туманова бессовестным запугиванием рабочих со стороны военных властей и призывали к решительному отпору.

Дело путиловских рабочих — дело всего петербургского пролетариата... Действия путиловских рабочих должны быть активно поддержаны всем петербургским пролетариатом. В противном случае не будет границ наглому издевательству разбойничьей банды романовской династии... Товарищи, если вы решительно не отвергнете все попытки вас поработить, вы сами скуете себе наручники. Объявляя политическую стачку-протест, пролетариат Петербурга берет на себя большую ответственность. Его выступление будет использовано черными силами царизма для клеветнических слухов и внесения смуты в умы армии. И для того, чтобы сделать всем понятным свое выступление, для того, чтобы подать руку своим братьям в армии, которых будут стараться натравить на него, — пролетариат должен вынести движение из стен фабрик и заводов на улицу...

Долой произвол царских наемников! Долой романовскую монархию! Да здравствует пролетарская солидарность и классовая борьба! Да здравствует революционный пролетариат и российская социал-демократическая рабочая партия⁶².

Но вся эта высокопарная риторика не имела большого успеха. Полиция заслала своих людей в большевистские организации и, считая, что рабочие беспорядки «угрожают нормальному течению государственных дел» и военным успехам,

продолжала арестовывать членов петербургского комитета. Происшествия на Путиловском заводе явились темой запроса в Думе от 7 марта 1916 года. Военный министр Поливанов произнес патриотическую речь. Дума приняла решение обратиться как к рабочим, так и к промышленникам с призывом добровольно, с воодушевлением и с сознанием своей ответственности исполнить гражданский долг.

После ареста зачинщиков забастовки на Путиловском заводе, и возможно, по их же приказу, переданному в последнюю минуту, волнения в Петрограде на время стихли, но только для того, чтобы возобновиться и усилиться в течение следующих месяцев. В феврале 1917 года они вылились в настоящее народное восстание.

Здесь следует провести сравнение между забастовками и демонстрациями в Петрограде в январе и феврале 1916 года и тем, что делалось приблизительно в то же время в Николаевских корабельных доках в устье Днепра, где строились два больших дредноута для черноморского флота⁶³.

В январе 1916 года, одновременно с забастовками и демонстрациями в Петрограде, началась забастовка в корабельных доках в Николаеве. Беспорядки продолжались до тех пор, пока 23 февраля мастерские не были закрыты.

История забастовки довольно подробно излагается в секретном донесении вице-адмирала Муравьева, найденном в архивах Совета министров и процитированном Флеером. Чрезмерные требования, предъявленные рабочими в самом начале забастовки, и дальнейший ее ход убедили Муравьева в том, что в действительности это была политическая забастовка, организованная под видом экономической. Согласно изложению Муравьева, этот фактор не был учтен ни полицией, ни рабочей инспекцией, ни каким-либо другим государственным учреждением. Администрация начала постепенно делать одну уступку за другой, что было большой ошибкой, приведшей к дальнейшим беспорядкам и закрытию доков.

В доказательство того, что забастовка имела скрытую политическую цель, Муравьев сообщает следующее:

Действительно, характер предъявленных рабочими требований оказывается, с одной стороны, принципиально неприемлемым ни для какого завода, а с другой стороны, — эти заявленные неприемлемые требования по своей форме, размеру и времени заявления вполне совпадают с таковыми на петроградских заводах.⁶⁵

Далее, то невыносимое материальное обеспечение, которое побуждает рабочих доков «Наваля» объявить забастовку, одновременно с тем вполне удовлетворяет мастеровых находящегося во вполне идентичных условиях соседнего с ним завода «Руссуд», управление которого состояло из тех же людей.

Этот анализ Муравьева повторяет меморандум Гельфанда, хотя Муравьев о нем, конечно, никогда не слышал. Гельфанд писал:

Особое внимание должно быть обращено на Николаев, где доки работают очень напряженно, чтобы выпустить два больших военных корабля. Надо сделать все возможное, чтобы поднять там забастовку. Не нужно, чтобы эта забастовка имела политический характер, она может выдвинуть чисто экономические требования⁶⁶.

Адмирал Муравьев заканчивает осторожно:

Вопрос о том, является ли эта политическая забастовка результатом деятельности врагов существующего порядка, левых партий, или же здесь действуют враги государства (Германия), должен быть оставлен открытым.

Русское правительство уже в течение нескольких месяцев знало, кем направлялась революционная пропаганда среди рабочих доков. Морской министр Григорович доложил председателю Совета министров в письме от 28 апреля 1915 года (всего восемь недель спустя после представления Гельфандом меморандума в Берлине):

по новейшим дошедшим до меня сведениям, появление прокламаций является результатом действий агентов воюющих с нами держав, не останавливающихся ни перед какими неблагородными мерами.

Через четыре месяца, 26 августа 1915 года, на памятном заседании Совета министров, на котором обсуждался вопрос о роспуске Думы, Григорович заявил:

По моим сведениям, в случае роспуска Думы беспорядки неизбежны. Настроение рабочих очень скверное. Немцы ведут усиленную пропаганду и заваливают деньгами противоправительственные организации. Сейчас особенно остро на Путиловском заводе⁶⁷.

Свидетельство Григоровича не вызвало сенсации в Совете министров: очевидно, министрам было известно, что немцы подогревают рабочие волнения и готовят массовый взрыв.

Забастовка в Николаеве в феврале 1916 года была подавлена полицейскими и военными мерами — закрытием морской верфи и мобилизацией забастовщиков.

То обстоятельство, что беспорядки, начавшиеся в Петрограде и Николаеве в 1916 году, не перешли в революцию, было, очевидно, тяжелым ударом для Гельфанда. Тем не менее, он не стал приукрашивать положение и не скрыл, что не выполнил обещания, данного Брокдорф-Ранцау в декабре. В докладе от 23 января Брокдорф-Ранцау упоминает, что Гельфанд в разговоре с ним объяснил, что провоцировать революцию в данный момент неблагоприятно, так как ситуация изменилась. Гельфанд указал на следующие обстоятельства, объясняющие его позицию: а) возросшее сопротивление буржуазной оппозиции против немедленной революции; б) призыв некоторых рабочих вождей на военную службу; в) особые меры, принятые правительством для улучшения снабжения Петрограда; г) опасения революционеров, что они потеряют контроль над массами и движение превратится в анархию, а тогда правительство легко подавит восстание⁶⁸.

Будаев подтверждает один из приводившихся Гельфандом доводов, почему попытка революции оказалась неудачной, — некоторые рабочие лидеры были против забастовки. Он пишет:

В начале февраля началась забастовка на металлургическом заводе, но два цеха не стали бастовать. Ликвидаторы в этих цехах предложили обратиться к Гвоздеву в военно-промышленный комитет за разрешением на забастовку, и военно-промышленный комитет нашел проведение забастовки неправильным и предложил ее прекратить, но рабочие все же продолжали⁶⁹.

Но общее положение в Петрограде, в оценке таких революционеров, как Будаев, как будто подтверждало уверенность Гельфанда, что шансы на успех революции очень велики. Будаев писал в марте 1916 года:

В общем жизнь здесь кипит. Среди печатников не работают 9 предприятий — рабочие бастуют. Эстонские соц.-дем. организации имеют связь с организациями в других городах. Выходят часто летучки здесь. Получены летучки из Нарвы (с.-д.)⁷⁰.

И действительно, с начала 1916 года забастовочное движение давало себя знать не раз, особенно интенсивно было в июне, июле и октябре, а в феврале 1917 года разразилось массовым революционным натиском.

Советские историки необычайно сдержанно говорят о развитии забастовочного движения в эти месяцы. Полицейские архивы были опубликованы лишь частично. Важно отметить, что документы германского министерства иностранных дел за период

с февраля 1916 по февраль 1917 года не содержат указаний на какие бы то ни было действия, предпринятые Гельфандом, или на какие-либо суммы, переданные ему на нужды революции. Однако ошибочно было бы предполагать, что Гельфанд из-за неудачи 9 января 1916 года отказался от намерения революционизировать Россию. Он, по собственным его словам, вовсе не был уверен, что успех обеспечен заранее, несомненно было только то, что России уже не обрести былой устойчивости. Брокдорф-Ранцау докладывал 23 января, что решимость организации Гельфанда к осуществлению дальнейших революционных акций тверда и неизменна. Но как тогда объяснить, что в архивах министерства не сохранилось никаких следов переговоров или переписки с Гельфандом по столь важному вопросу?⁷¹

Неудача, которую потерпел Гельфанд, особенно в глазах подозрительного скептика фон Ягова, очевидно, заставила его остерегаться прямых контактов с министерством по поводу русских дел. К тому времени торговое дело Гельфанда невероятно расширилось и расцвело. Деньги текли рекой, и часть доходов, полученных от нелегальной продажи в России лекарств, противозачаточных средств, карандашей и косметики, там же и оставалась. Назначение этих денег осталось тайной⁷². Торговля, центр по изучению экономики и журналистская деятельность Гельфанда были тесно связаны между собой и служили одной главной цели — разрушению Российской Империи. В середине 1916 года Гельфанд не нуждался в субсидиях министерства, а значит мог и не отчитываться в своих действиях, не подвергаться мелким придиркам и держать при себе те сведения, которые благоразумно было утаить и от немцев. Он уже убедился, очевидно, что стены министерства не непроницаемы, и предпочел финансовую независимость, которая, в отличие от министерских субсидий, не влекла за собой переписки. Несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств в архивах германского министерства иностранных дел, упорный характер забастовочного движения в России в 1916 году и в начале 1917 года наводит на мысль, что оно руководилось и поддерживалось Гельфандом и его агентами. Ни один из его агентов в Петрограде или Николаеве не был выявлен. Благодаря постоянному увеличению немецкого нелегального импорта в Россию, предприятия Фюрстенберга-Ганецкого процветали, и спекуляция принимала все большие размеры.

Наше предположение, что торговая деятельность Гельфанда, сама по себе значительная, служила серьезным подспорьем в достижении его политических целей, подтверждается докладом немецкого ревизора, проверявшего одно из отделений фирмы Гельфанда, которым управлял Георг Скларц. Ревизор был очень удивлен «невероятными транзакциями», которые проводил Скларц, нарушая немецкие торговые

законы военного времени, но с ведома и при одобрении германского министерства иностранных дел. Ревизор счел своей обязанностью спросить, не потому ли на эти операции смотрят сквозь пальцы, что «Сklarц может быть полезен министерству иностранных дел в разрешении других задач?»⁷³

§ 7. Кескюла.

Между тем, немцы рассчитывали вовсе не на одного только Гельфанда. Они использовали также ряд других агентов, не связанных с ним. Следили за их деятельностью офицеры связи политического отдела генерального штаба, например, Штейнвакс. Некоторые агенты были просто жуликами, Другие, как Цивин (псевдоним Вайс) и его помощник Левинштейн (известный также как Блау), были малоэффективны.

С Гельфандом по значению можно сравнить только Александра Кескюлу, о котором упоминалось выше. Обратив внимание немцев на Ленина, Кескюла в конце 1915 года приехал в Стокгольм, чтобы наладить контакты с революционерами в России. В противоположность Гельфанду, он не имел собственных средств, его отношение к русской революции тоже было совершенно иным. Его интересовала независимость Эстонии, и он был против как германской, так и русской гегемонии в его маленькой стране. Он был очень низкого мнения об организаторских способностях русских революционеров, выделяя одного Ленина, но полагал, что ими может управлять «небольшой организаторик» — так он определял свою роль. По приезде в Стокгольм, Кескюла добился влияния на местный комитет большевиков через посредство его секретаря Богровского. Он субсидировал деятельность комитета по печатанию листовок и брошюр для тайной пересылки их в Россию. Он организовал также для датского социал-демократа Альфреда Крузе, считавшегося журналистом, поездки в Россию от имени Гельфанда и Кескюлы. Крузе дважды ездил в Россию с письмами Бухарина к его жене и с различными поручениями большевистского бюро в Стокгольме большевистским организациям Москвы и Петрограда. Он встречался с большевистскими организациями в Петрограде, об этом говорится в воспоминаниях рабочего Кондратьева, опубликованных в «Красной Летописи»⁷⁴. Крузе привез обратно важные материалы от петербургского комитета; некоторые из них были использованы в ленинской газете «Социал-Демократ»⁷⁵. В течение весны и лета 1916 года петроградские большевики через организацию Кескюлы получали революционную литературу из-за границы. Копии этих брошюр — «Дороговизна и война», «Кому

нужна война» и бухаринская «Война и рабочий класс», — были переданы в германское министерство иностранных дел⁷⁶.

§ 8. Политика Германии после февраля 1917 года.

Неоправдавшаяся попытка спровоцировать в России революцию заставила немцев снова обратиться к идее сепаратного мира. Во второй половине 1916 года ход военных действий не мог радовать немецких дипломатов. Документы министерства иностранных дел подтверждают, что Германия все время боялась отступничества своих союзников и прилагала отчаянные усилия, чтобы улучшить стратегическое положение, добившись сепаратного мира с любой страной Антанты. Летом 1916 года была сделана новая попытка обратиться к Николаю II через датский двор, но эта попытка не удалась (как говорилось выше, Николай II ответил королю Христиану, что мир может быть только общим). Немцы возлагали большие надежды на встречу Фрица Варбурга с членами русской парламентской делегации, графом Олсуфьевым и А.Д. Протопоповым⁷⁷, ездившими к союзникам. Кроме того, были сделаны новые попытки заставить русское правительство вступить в переговоры (при посредничестве шведов — операция Валленберг, и болгар — операция Ризов). О том, как отчаянно хотели некоторые круги в Германии добиться сепаратного мира, можно судить по невероятному плану, предложенному немецким промышленником Фрицем Тиссеном министерству иностранных дел через депутата Эрцбергера — купить согласие России на сепаратный мир, предложив ей норвежский Нарвик и северные скандинавские рудники. Это довольно значительная жертва со стороны Германии, замечал Тиссен (sic!), но ее можно компенсировать аннексией французских рудников в Бриэй⁷⁹. В это время Кольшко, поощряемый немцами, пытался купить в России газету, чтобы развернуть агитацию за сепаратный мир, а германское министерство иностранных дел живо интересовалось проникновением в Россию пораженческих идей в циммервальдском обличье, особый его интерес вызвали статьи Суханова в «Летописи», которые с помощью Горького были опубликованы в Петрограде. Автор, пользуясь эзоповским языком, развивал идеи пораженчества.

В середине декабря 1916 года центральные державы открыто предположили мирные переговоры странам Антанты. Предложение было сделано в резкой и надменной форме и совершенно не устраивало союзников. Цель, очевидно, состояла в том, чтобы посеять рознь между странами Антанты, особенно между западными союзниками и Россией. Но этот план рухнул, потому что Дума заняла в высшей

степени патриотическую позицию, и тогда Германия оставила мысль о сепаратном мире и сделала ставку на «революционизирование» России и подводную войну с Западом.

Немцы, без сомнения, полагали, что много воды утечет, прежде чем направленные на раскол России интриги и пропаганда дадут ощутимые плоды. Поэтому для них крушение царского режима, которое, можно сказать, венчало их собственные неустанные усилия, оказалось не меньшей неожиданностью, чем для всех остальных, в том числе для большевиков.

Февральская революция помогла немцам уяснить себе, какой тактики следует придерживаться по отношению к России. Идея сепаратного мира вскоре была отброшена, потому что Временное правительство решительно выступило за верность союзникам. Таким образом, следовало ставить на революцию, и Германия стала поддерживать единственную Русскую пораженческую партию — партию большевиков. А так как в начале эта партия была слаба и дезориентирована, пришлось принять чрезвычайные меры, отчего контуры подстрекательской политики Германии и выступили более четко. Вот почему необходимо обратиться к тем действиям, которые были предприняты Германией уже после февральских событий.

В течение ряда лет, до февраля 1917 года, сознательные усилия Германии спровоцировать революцию в России сводились к подстрекательству и поддержке рабочих беспорядков — в надежде на то, что они перерастут, как думал Гельфанд, в действенное, политически направленное движение. Германия тогда не пыталась обрабатывать революционных лидеров ни в эмиграции, ни в России. Во время войны об этом нечего было и думать. Любое подозрение в непосредственном контакте с германскими властями дискредитировало бы каждого, кто по глупости мог поставить себя в такое положение. Как немцы, так и революционеры прекрасно это понимали.

Но после успеха Февральской революции и возникновения двух соперничающих органов власти — Временного правительства и Петроградского Совета — немцы встретились с новой ситуацией. Германия не пыталась оказывать прямого давления на эти органы, за исключением, быть может, использования таких посредников, как М. Козловский (правая рука Фюрстенберга-Ганецкого), который стал членом Исполнительного Комитета Петроградского Совета в момент его образования.

Немцы, кроме того, боялись, что горячий энтузиазм, с которым население России встретило смену режима, приведет к созданию своего рода «священного союза», и что это обновит военную мощь России. Даже большевистские лидеры, Каменев и Сталин, вернувшиеся из Сибири, были заражены этими настроениями и,

казалось, готовы были считать продолжение войны с Германией частью борьбы за новую свободу. Лозунг «Долой войну», которым пользовались для агитации в массах до Февральской революции, был временно снят, чтобы не расколоть революционное движение и не лишиться поддержки как буржуазии, так и армии.

Германские власти считались с той опасностью, что революция может вылиться в патриотический подъем. Об этом предупреждали их русские советники, кроме того, опасения усиливались фактом немедленного признания и даже одобрения западными союзниками нового режима. Необходимы были немедленные действия, чтобы не потерять исключительных возможностей, предоставленных переворотом. С точки зрения германских властей, как и с точки зрения Ленина, ничего не могло быть хуже консолидации правительства Милюкова и Гучкова.

В это время для Германии сразу же возросло значение таких людей, как Гельфанд и даже Цивин. Возможно, их роль стала особенно важна в связи с неожиданным отступничеством Кескюлы. В письме к Штейнваксу, отмеченном некоторой манией величия, он объявил, что отходит от немцев, что их дороги теперь разошлись, но что он все же оказал им большую услугу, обратив их внимание на Ленина⁸⁰.

Германское министерство иностранных дел прекрасно сознавало, что энтузиазм февральских дней может возродить дух национального единства, и чтобы помешать этому, следует поддержать любую фракцию, как бы ни была она мала и незначительна, если эта фракция выступает против продолжения войны. Интересно, что прежде всего немцы думали использовать бывшего депутата Четвертой Думы большевика Малиновского. От этого, однако, сразу пришлось отказаться: в Петрограде были открыты архивы тайной полиции, и председатель Думы Родзянко объявил, что Малиновский на протяжении всей своей думской карьеры служил тайным осведомителем охранки. Тогда германские власти целиком перенесли свое внимание на Ленина.

§ 9. Возвращение Ленина.

Ошеломляющую новость — весть о начале революции в России — Ленин узнал 14 марта (по новому стилю) от австрийского социал-демократа Вронского. К 16 марта пришли официальные подтверждения из Петрограда. Новость была совершенно неожиданная, однако Ленин сразу понял, какое значение она имеет в его судьбе. Он не позволил себе того безумного восторга, с которым приняли революцию русские

революционеры в России и за границей. Первая его реакция была жесткой, в ней прежде всего видна решимость продолжать борьбу. 16 марта он писал Коллонтай:

Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1 (14) III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих, и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...

Ну, что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенский и Ко. Все наши лозунги те же.

...Главное теперь — печать, организация рабочих в революционную социал-демократическую партию... Величайшим несчастьем было бы, если бы обещали теперь кадеты легальную рабочую партию и если бы наши пошли на «единство» с Чхеидзе и Ко.

Но этому не бывать. Во-первых, кадеты не дадут легальной рабочей партии никому, кроме гг.Потресовых и К⁰ ⁸¹. Во-вторых, если дадут, мы создадим по-прежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной... Непременно более революционная программа и тактика (элементы ее у К. Либкнехта, у Socialist Labour Party в Америке, у голландских марксистов и т.д. есть) и непременно соединение легальной работы с нелегальной.

Далее Ленин впервые выдвигает лозунг о том, что власть должны захватить «советы рабочих депутатов», (а не «кадетские жулики»). Ленин заканчивает письмо нетерпеливой ремаркой: «...После «great rebellion» 1905-го — «glorious revolution» 1917 года!»...¹

Набрасывая этот свой первый революционный манифест, Ленин не подозревал, как трудно будет в первые недели Февральской революции найти в России деятельность, которая считалась бы нелегальной.

Ленин уже давно ясно дал понять — своим сторонникам и друзьям, а через них и германскому правительству, — что будет бороться против оборонительной войны даже после падения царской власти. В своем прощальном обращении к швейцарским рабочим, написанном перед отъездом в Россию, Ленин упоминает декларацию, опубликованную в его «Социал-демократе» 13 октября 1915 года, добавляя:

¹ После «великого мятежа» 1905 г. — «славная революция» 1917 г.

Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну в союзе с империалистской буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т.д. и т.п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против «защиты отечества» в такой войне. Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие, решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гучкову, это правительство пытается ... выдать за «оборонительную» ... свою империалистскую войну с Германией, — выдать за «защиту» русской республики ... защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч⁸².

Это заявление сильно впечатлило германское правительство, и началась деликатная операция по переправке Ленина и его единомышленников поближе к революционной петроградской суматохе. Несущественно, кто был инициатором переговоров о возвращении Ленина через Германию. Главное, что все стороны достигли полного согласия⁸³. Швейцарский министр иностранных дел, социал-демократ Гофман, состоявший в тесном сотрудничестве с германским правительством, свел Роберта Гримма, издателя «Бернер Тагвахт», с предполагаемыми путешественниками. Но еще в начале января у Ленина произошла с Гриммом резкая ссора, он обвинял его в швейцарском «социал-шовинизме». Поэтому Гримм был заменен другим посредником, швейцарским социал-демократом Фрицем Платтенем. Его платформа была ближе к ленинской, кроме того, он состоял в наилучших отношениях с Ромбергом, германским посланником в Берне.

Нет надобности подробно повторять историю этого путешествия⁸⁴. Германское правительство вполне понимало, как опасна эта операция, понимало оно также, что явное внимание к возвращающимся может скомпрометировать Ленина в России, а это противоречило его интересам. Поэтому германские власти действовали с чрезвычайной, и даже необычайной, осторожностью⁸⁵. Одним из приемов, которым немцы старались замаскировать свое намерение, было включение в первый поезд (а потом и в следующие) нескольких социалистов не-ленинцев. Интересно отметить, что Ленин придавал мало значения всем этим предосторожностям: по прибытии в Петроград он открыто объявил, что германское правительство пропустило его ради собственных империалистических целей, а он только воспользовался этим. По пути в

Россию Ленин тщательно избегал всяких встреч с германским социал-демократическим большинством. Еще более упорно избегал он встречи с Гельфандом, хотя Гельфанд очень старался встретиться с ним во время остановки в Стокгольме. Но, с другой стороны, он виделся с Фюрстенбергом-Ганецким, который вместе с Радеком и Воровским набросал и подписал заявление, что между Лениным и Гельфандом встречи не было⁸⁶. С Фюрстенбергом Ленин, считавший его верным другом и членом партии, обсуждал партийно-организационные вопросы.

После однодневной остановки Ленин и его группа проследовали в Хапаранду, на шведско-финской границе. Платтен намеревался вместе с ними проехать в Россию, чтобы засвидетельствовать прибытие Ленина в Петроград. Но случилось иначе: на границе, как он сообщил в своем отчете Ромбергу, его задержали находившиеся там сотрудники британской разведки⁸⁷. Однако Платтен был посвящен в планы, разрабатывавшиеся Лениным с Фюрстенбергом и Радеком. Вернувшись в конце апреля в Берн, Платтен представил Ромбергу подробный отчет о поездке и подчеркнул, что «эмигранты не имеют средств для пропаганды, тогда как средства их врагов неограниченны»⁸⁸. Ромберг немедленно инструктировал помощника военного атташе Нассе найти возможность переправить деньги возвратившимся. Одновременно Ромберг запросил свое министерство: «поддерживаются ли революционеры другими средствами». Граф де Пурталес, сотрудник министерства иностранных дел, дал Ромбергу устный ответ, и документов об этом нет⁸⁹. Но имеется отчет Нассе Ромбергу, в котором говорится, что какой-то «господин Байер» немедленно вступил в контакт с большевиком Григорием Шкловским и меньшевиком Павлом Аксельродом, еще остававшимися в Швейцарии, и выяснил, что для них финансовая помощь приемлема в том случае, если она поступит как дар из «неизвестного источника» и если будут соблюдены некоторые технические детали⁹⁰. К сожалению, в документах германского министерства иностранных дел в этом месте имеется пробел относительно деятельности Нассе и таинственного господина Байера. Если полагаться исключительно на этот источник, то может показаться, что переговоры Байер — Нассе ни к чему не привели. Есть, однако, доказательства, что это не так.

§ 10. «Каналы и источники».

Во время Первой мировой войны германское правительство использовало в качестве советников и агентов немало лиц из академической среды. Среди них был некто Густав Майер, получивший известность как биограф Энгельса и издатель писем

Лассалья. Широкие связи этого человека с социалистами Европы делали его услуги очень ценными, особенно в отношении Бельгии: германское правительство очень хотело выяснить, как деятели Второго Интернационала примут германское решение бельгийской проблемы. В мае 1917 года Майер предложил германскому министерству иностранных дел свое присутствие на предстоящей социалистической конференции в Стокгольме, с целью возобновления личных связей, и министерство поручило ему составить отчет о конференции. Майер, кроме того, поддерживал знакомство со многими ответственными чиновниками в Берлине, настоящая дружба связывала его с помощником военного атташе Нассе, о котором мы говорили выше.

После смерти Майера были опубликованы его мемуары⁹¹. Основываясь на своих дневниках того времени, а также на письмах к жене, Майер пишет, что незадолго до отъезда в Стокгольм, в конце мая, он встретился с крупным чиновником министерства финансов, Морицем фон Земишем. Земиш просил помощи Майера в деле «чрезвычайной политической важности», причем следовало соблюдать абсолютную секретность, даже в отношении министерства иностранных дел. По приезду в Стокгольм Майер должен будет встретиться с известным ему лицом — им оказался Нассе — и оказать ему требуемую услугу. Майер согласился, полагая, как он не совсем искренне пишет, что это не может втянуть его в какое-то бесчестное предприятие.

Когда Майер встретился с Нассе в Стокгольме, он понял, что ему отведена роль почтового ящика. Какие-то неизвестные лица приносили ему письма, документы, а иногда и деньги⁹². Одновременно Майер поддерживал тесный контакт с Фюрстенбергом и Радеком, которые в то время жили со своими женами на роскошной вилле в фешенебельном предместье Стокгольма. Майер в своей книге не пытается объяснить, чем занимался Нассе, и не упоминает о его связях с большевиками. Из его повествования ясно, однако, что в это же время в Стокгольме находился Карл Моор, тот самый Карл Моор, который так помог Ленину, когда он и его группа приехали без документов в Швейцарию в сентябре 1914 года.

Если вспомнить, что за несколько недель до этого Нассе, по поручению Ромберга, зондировал почву в Берне, выясняя, каким путем можно передать большевикам деньги, то с уверенностью можно сказать, что стокгольмская конспирация, в которую был вовлечен Майер, служила той же цели — финансированию большевиков. Более того, Байер, сносившийся со Шкловским и Аксельродом и объяснявший Ромбергу, при каких условиях могут быть переданы большевикам деньги, был не кто иной, как Карл Моор, бросившийся в Стокгольм на помощь Нассе⁹³. Склад ума у тайных агентов особенный: что-то побудило Густава

Майера незадолго до смерти — он умер в Лондоне, в эмиграции, — рассказать о своей связи с Нассе, однако о сути их совместной деятельности он ничего не сказал. Мемуары Майера были опубликованы в 1949 году, и тогда никто еще не знал, чем, собственно, занимался Нассе. Только публикация архивов показала, что он имел прямое отношение к «политике революционизирования», она же дала возможность установить, что господин Байер и бывший редактор «Бернер Тагвахт» Карл Моор, он же член бернского Союзного Совета, — это одно лицо. Без архивов вполне оценить значение мемуаров Густава Майера было просто невозможно.

Тот факт, что именно чиновник министерства финансов Германии Мориц фон Земиш предложил Майеру сотрудничать с Нассе, дополняет картину операции, проводившейся в Стокгольме в мае–июне 1917 года. Земиш не был ни сотрудником министерства иностранных дел, ни, насколько нам известно, сотрудником политического отдела генерального штаба. Он просто работал в министерстве финансов, в котором и жил во время войны в качестве «Schlafbursche», т.е. смотрителя, как он в шутку говорил. И он, и Нассе были близкими родственниками тогдашнего министра финансов графа Редерна. То обстоятельство, что Земиш специально оговорил необходимость держать в тайне характер деятельности Нассе, в связи с ее чрезвычайной государственной важностью, даже от министерства иностранных дел, показывает, что вся операция была организована непосредственно министерством финансов, и притом не совсем обычным способом⁹⁴.

Тем временем Ленин с нетерпением ждал «писем, пакетов и денежных переводов»⁹⁵, о которых он договорился с Фюрстенбергом во время остановки в Стокгольме. Его письмо по этому поводу от 12 апреля по старому стилю опубликовано в Собрании сочинений с редакционным примечанием, что деньги, о которых идет речь, это остаток принадлежавшей Центральному Комитету суммы⁹⁶. Сноска, конечно, не соответствует истине. У партии зимой 1916–1917 года не было денег даже для издания журнала «Сборник Социал-Демократа». Трудно, однако, утверждать, что Ленин с таким нетерпением ждал именно тех поступлений, которые проходили через руки Густава Майера и Нассе. Имеется, тем не менее, достаточно косвенных доказательств, подтверждающих предположение, что средства, переданные Нассе в июне 1917 года, были предназначены для большевистской пропаганды в России. Ясно, что именно об этом периоде говорит в телеграмме кайзеру Кюльман (телеграмма от 3 декабря 1917 года), перечисляя успехи германской «политики революционизирования»: «Большевики смогли создать свой центральный орган, «Правду», проводящий энергичную пропаганду и заметно расширяющий базу их власти, только после того,

как стали постоянно получать от нас, по разным каналам и из разных источников, материальные средства».⁹⁷

Ситуация внезапно изменилась после преждевременного и неудачного большевистского выступления 3 июля 1917 года. Несмотря на все предосторожности со стороны большевиков и германских властей и их агентов, французская и британская разведки скоро насторожились по поводу поддержки Германией антисоюзнической и пораженческой пропаганды в России. Союзные разведки сообщили о полученной ими информации Временному правительству — русская разведывательная служба к тому времени была совершенно загублена. Первые предостережения о вероятности контактов между Лениным и немцами были переданы Керенскому французским министром-социалистом Альбером Тома⁹⁸. Когда Временное правительство объявило большевистских лидеров немецкими агентами, это вызвало цепную реакцию всяких домыслов, мы, однако, не можем анализировать их в контексте этой книги. Достаточно указать, что нарушением связи между Стокгольмом и Петроградом, последовавшим после опубликования материалов, обвиняющих Ленина, Зиновьева, Гельфанда, Фюрстенберга, Суменсон⁹⁹ и Козловского, были, очевидно, перекрыты некоторые из тех «каналов и источников», о которых упоминал Кюльман.

§ 11. «Невероятная клевета» и еще более невероятные опровержения.

Троцкий называет июль–август 1917 г. «месяцем невероятной клеветы». Но он же был месяцем энергичных опровержений. Как только немцам стало известно, что Гельфанда обвиняют в финансовой помощи большевикам, они захотели добиться от него немедленного опровержения. К несчастью, неизвестно было, где он находится. Оказалось, что он в Швейцарии, и у чиновников Ромберга ушло много времени на то, чтобы установить с ним контакт и убедить подписать нотариально заверенное заявление.

Ленин, в свою очередь, давил на Фюрстенберга, чтобы тот «опроверг ложь» о немецких деньгах. Есть некоторые основания думать, что Фюрстенберг боялся слишком много отрицать, т.к. в случае привлечения большевистских лидеров к суду его могли уличить во лжи. Двоюродная сестра Фюрстенберга, госпожа Суменсон, один из его компаньонов по экспортно-импортным операциям в России, была арестована. И хуже того — был арестован Козловский, через которого Фюрстенберг поддерживал связь с Петроградским Советом, с которым он вел дела в Копенгагене, и у Фюрстенберга не было гарантий, что Козловский не заговорит. Даже Ленин находил,

что лучше отрицать близкую связь с Козловским, он заявил в своем негодующем опровержении «русского дела Дрейфуса», что «это клевета, направленная против него и большевиков контрреволюционерами и их сообщниками».

И в этой ситуации Фюрстенберг и Радек сделали очень неосторожный шаг. 31 июля они опубликовали в своем информационном бюллетене (он выходил в Стокгольме по-немецки под названием *Russische Korrespondenz Prawda*) статью, в которой Фюрстенберг назывался одним из компаньонов Гельфанда. Это понятная форма защиты. Но дальше делалось изумительное признание: свои доходы Фюрстенберг передавал партии, т.е. социал-демократической партии оккупированных немцами Польши и Литвы¹⁰⁰.

Заявление Фюрстенберга, которое в то время прошло незамеченным, может показаться лишним и ненужным. И тем не менее это никем не вынуждавшееся признание вполне обретает смысл, если вспомнить, что Фюрстенберг не переставал бояться показаний Козловского. Ведь тот мог не выдержать допросов и сообщить, что он получал от Фюрстенберга деньги для большевистской партии¹⁰¹. Страхи Фюрстенберга были напрасны. Следствие, начатое Временным правительством, встретило яростную оппозицию не только со стороны большевиков и Петроградского Совета, но и со стороны многих правых социалистов. Оно было прекращено, так и не дав никаких результатов, в сентябре 1917 года, после корниловского мятежа.

Связь между Нассе и Карлом Моором, очевидно, прервалась после июльского выступления и последовавших вслед за ним обвинений против большевиков. Густав Майер в конце июля или в начале августа оставил Стокгольм, так что в мемуарах ему нечего больше было сказать об интригах, в которых он играл пассивную, но важную роль¹⁰². Мы можем, однако, допустить, что Нассе не был обескуражен случившимся. В конце концов, провал большевиков в июле не упрочил положения России. Ленин и Зиновьев скрылись в подполье, и Временное правительство, не имевшее эффективной полиции, не могло напасть на их след, несмотря на то, что большевики то и дело навещали своих вождей. После разгрома штаб-квартиры большевиков во дворце Ксешинской, партия почти полностью перешла на подпольную работу. При таких обстоятельствах деньги были особенно нужны, и в интересах Германии было продолжать помощь.

В это время необходима была чрезвычайная осторожность, и Ленин непрерывно напоминал об этом своим сторонникам. В письме к бюро Центрального Комитета за границей, посланном в августе из Хельсинки,¹⁰³ он настаивал, чтобы Фюрстенберг сделал полное опровержение обвинений.

В том же письме Ленин предостерегает против контактов с Карлом Моором, который, как он слышал, вернулся в Стокгольм. «Что за человек этот Карл Моор?» — риторически спрашивал он. Хотя, конечно, после швейцарских встреч и сам мог ответить не хуже других.

Беспокойство Ленина о дальнейших контактах большевиков с Моором было, несомненно, продиктовано опасением, что неуклюже и неубедительно выдвинутое против него Временным правительством в июле обвинение может получить подтверждение вследствие необдуманных действий его споспешников. Ленин был прав, потому что Моор уже выискивал средства для возобновления передачи денег большевикам. Через большевика Семашко он предложил заграничному Центральному Комитету некоторую сумму. Об этом упоминается в протоколах Центрального Комитета партии большевиков от 24 сентября 1917 года. Само предложение не фигурирует в протокольной записи, но в пункте 6 передается итог дискуссии. Вот его несколько запутанный текст:

б) Заслушав сообщение о предложении денег, принята следующая резолюция: ЦК, заслушав сообщение т. Александрова [Семашко] о сделанном швейцарским социалистом К. Моором предложении передать в распоряжение ЦК некоторую сумму денег, ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств и установить, действительно ли эти средства идут из того самого фонда, на который указывалось в предложении как на источник средств Г.В. Плеханова, а равным образом проверить истинные цели предложения Моора, — ЦК постановил: предложение отклонить и всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми.

Если мы отвергнем как грязную сплетню намек на то, что Плеханов получал субсидии из того источника, который теперь был готов оказать финансовую поддержку большевистскому Центральному Комитету, то остается сам факт, что Моор сделал предложение о деньгах. То, что отклонение денег было тщательно запротоколировано, показывает, как важно было в то время для большевиков опровергнуть все обвинения в получении помощи из сомнительных источников. Но все это вовсе не доказывает, что деньги не были получены. Опубликованные протоколы Центрального Комитета¹⁰⁴ содержат специальное примечание, что «по наведенным позднее Истпартом справкам, Карл Моор предлагал денежные средства из полученного им неожиданно большого наследства». Это примечание и последующая карьера Карла Моора¹⁰⁵ позволяют предположить, что он продолжал снабжать большевиков Деньгами.

Последнее опровержение исходило от Радека. Странно замешкавшись в начале, Радек решил теперь построить свое опровержение на разоблачении некоего Лео Винца, которого немецкое посольство в Копенгагене использовало как канал для распространения ложной информации и слухов в русской печати. Радек хотел доказать следующее: обвиняя Ленина, кадетские круги Петрограда пользовались слухом, пущенным Лео Винцем, который сам работает на немцев. План Радека отличался изобретательностью: если будет доказано, что Германия сама начала кампанию, обвиняющую Ленина в том, что он немецкий шпион, то Ленин будет полностью оправдан. Но Радек не учел основательности германской бюрократической машины. В сентябре Радек говорил о своем плане защиты Ленина Густаву Майеру, который немедленно сообщил об этом германскому пресс-атташе в Копенгагене Каэну. Радека пригласили приехать в Копенгаген и встретиться с Каэном, который убедил Радека, что разоблачение Лео Винца может оказаться обременительным для Германии и при этом ничего не даст самому Радеку. Казн пишет:

Мне удалось убедить его [Радека], что большая часть данных, которые он приводит, не соответствует действительности. Потом часть их была опубликована в Германии и распространялась среди коммунистов в Стокгольме, русских и нерусских. Но и в опубликованной части было много расхождений с действительными фактами. Кампания, которую Радек предполагал начать в шведской печати, была прекращена¹⁰⁶.

Этот странный рассказ Каэна подтверждается его докладом о разговоре с Брокдорфом-Ранцау (в книге приводится факсимиле доклада).

Подведем итог запутанной истории о «великой клевете». Ленин был впервые обвинен Временным правительством на основании информации, полученной от западных разведок. Его обвинили в том, что он шпион и платный агент Германии. Ленин защищал себя утверждением, что никогда не получал ни копейки от Фюрстенберга и что Козловский вовсе не был членом его партии. Оба эти утверждения оказались совершенно ложными¹⁰⁷. Затем Ленин потребовал, чтобы Фюрстенберг и Радек дали опровержения. В июле Фюрстенберг сделал свое полуопровержение в «Russische Korrespondenz Prawda», а через несколько недель Радек пытался пустить версию, что обвинение против Ленина было работой профессионального германского торговца слухами — Лео Винца. Радек встретился с Каэном, который убедил его отказаться от обвинения Лео Винца, и в результате немецкого демарша Радек задержал публикацию своих опровержений, и они в значительно сокращенном виде были

опубликованы гораздо позже, когда дело уже не имело для большевиков практического значения. Факт связи Радека с Каэном в этот момент и по такому важному для большевиков вопросу является яркой иллюстрацией германско-большевистского сотрудничества.

§12. Заключение.

Большевистский переворот не прекратил участия немцев в развитии эволюционных событий в России. Оно нарастало до начала июля 1918 года и резко оборвалось после убийства немецкого посла Мирбаха. После поражения Германии на Западном фронте оно почти замерло на многие месяцы и даже годы. Относительно 1917 года следует помнить, что русская революция интересовала правительство Германии только в связи с возможностью заключить сепаратный мир на востоке, в этом была его главная цель.

Очевидно, таким образом, что немцы — любыми методами, лишь бы не нарушались их собственные интересы — поддерживали большевиков и Ленина только потому, что они не раз и открыто заявляли готовность заключить немедленный мир и негодовали по поводу обязательств, взятых на себя царским правительством по отношению к союзникам. Когда Временное правительство обвинило Ленина и прочих в шпионаже и сговоре с немцами, произошло большое замешательство. Конечно, членам Временного правительства нелегко было признать, что Февральская революция, благодаря которой они получили власть, с немецкой точки зрения так же желательна, как и последующий приход Ленина к власти в октябре. Ленин крайне нуждался в финансовой поддержке, и Германия именно деньгами и старалась ему помочь, знал он об этом или нет. Русским же либералам для натиска на правительство нужны были не деньги, им нужно было народное выступление в столицах. Они не могли его организовать, кроме того, патриотизм мешал им даже и начинать действовать в этом направлении, пока страна воевала. Вот почему в этом отношении, организуя с помощью подполья крупные забастовки, сначала экономические, а потом, согласно плану Гельфанда, политические, немцы работали на либералов.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

¹ Документы с факсимиле были опубликованы в книге: Edgar Sisson. 100 Red Days. Yale/London, 1931. — См. также: С.П. Мельгунов. Золотой немецкий ключ к большевистской

революции. Париж, 1940. — Кроме того: George Kennan Статья в The Journal of Modern History, 1956, где все данные обстоятельно проанализированы.

² Подробная библиография содержится в английском издании книги. — George Katkov. Russia 1917. The February Revolution. Longmans, 1917, pp. 447–452. В нижеследующих примечаниях упомянуты важнейшие публикации по теме.

³ A. Scherer, J. Grunewald. L'Allemagne et les problèmes de la paix. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires Etrangères, publiés et annotés par André Scherer et Jacques Grunewald. Août 1914–31 Janvier 1917. Préface de Maurice Baumont et Pierre Renouvin. Paris, 1962, p. 343.

Fritz Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland (1914-1918). Dusseldorf, 1962, S. 281.

Барон Люциус фон Штедтен был в это время немецким посланником в Стокгольме.

⁴ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 64. Каковы бы ни были мотивы Витте, поступок этот был неосмотрителен и вреден. Происхождение его состояния не лишено интереса. В 1912 году Витте, ссылаясь на стесненные обстоятельства, просил царя подарить ему 200 000 рублей. Коковцов поддержал эту просьбу, и Николай II, хотя и неохотно, согласился. (См.: Count V. N. Kokovtsov. «Out of my Past». Oxford University Press, 1935, p. 329. — Русское издание: граф В.Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания. Париж, 1933). С началом войны вклады Витте в Германии оказались под секвестром, что его явно беспокоило. 25 января (7 февраля) 1915 года Витте написал Мендельсону, что, так как ему якобы сделано предложение быть представителем России на мирной конференции после войны, он хотел бы внести ясность в свои отношения с немецким банком. Поэтому он просит Мендельсона, в случае, если тот считает его назначение для немецкой стороны желательным, перевести все его вклады в Копенгаген или Стокгольм на имя его жены. Даже Мендельсон считал, что такая операция совершенно скомпрометирует Витте, и потому советовал перевести вклады на имя достойного доверия нейтрального лица. Из этого ничего не вышло, так как через несколько недель Витте умер.

⁵ Иосиф Кольшко писал в газетах «Гражданин» и «Русское Слово» под псевдонимами «Серенький» и «Баян».

⁶ В тайных переговорах с немцами, кроме Кольшко, в 1916 году участвовал князь Бебутов, бывший член Первой Думы, которого хорошо знали в кадетских и масонских кругах. В последние предвоенные годы и после начала войны до 1916 года он жил в Германии и несомненно имел дело с германской разведкой. В 1916 году Бебутов появился в Стокгольме и был приглашен на ужин в русское посольство. Одновременно, используя связи с немецкой агентурой, он пробовал сблизиться с немецкими дипломатами в Скандинавии. Но германское министерство иностранных дел не доверяло Бебутову, и он имел дело только с посредником, «директором Бокельманом», который вел дела также и с Кольшко. После революции Бебутов

вернулся в Россию, где Временное правительство посадило его на некоторое время под домашний арест. О многосторонней и сомнительной деятельности Бебутова см. гл. 8, § 2.

⁷ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 371 и далее.

⁸ Манасевич-Мануйлов, бывший агент тайной полиции и личность темная, интриган из распутинского окружения, был накануне ареста. Называть его главой канцелярии или секретарем Штюрмера — явное преувеличение со стороны Кольшко. Манасевич-Мануйлов помогал Штюрмеру в разных деликатных делах по ведомству контрразведки. Он был арестован за попытку вымогательства, связанную с этой деятельностью. Это событие вызвало небывалую бурю возмущения в русском обществе. Суд начался в декабре 1916 года и был отложен по распоряжению государя, который уступил давлению начальников Манасевича-Мануйлова по контрразведке, генералов Батюшина и М.Д. Бонч-Бруевича. Вмешалась и императрица. Все же процесс вскрыл неблаговидность методов работы контрразведки при Батюшине. Процесс был возобновлен в феврале и закончился за несколько дней до революции осуждением Манасевича-Мануйлова и возбуждением дела против самого Батюшина.

⁹ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 371 и далее.

¹⁰ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 464.

¹¹ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 435.

¹² Гл. 8, § 6.

¹³ А.И. Спиридович. Последние годы царскосельского Двора. (Цитируется в обратном переводе по французскому изданию: *Les dernières années de la cour de Tzarsskoie Selo*. Paris, 1928–1929, vol. II, p. 419): «Дмитрий Львович Рубинштейн получил юридическое образование в Лицее Демидова в Ярославле, был директором банка в Харькове и стал управляющим великого князя Андрея Владимировича. Это помогло ему стать главным директором частного коммерческого банка в Петрограде. В Петрограде Рубинштейн жертвовал большие суммы на различные благотворительные цели, был награжден орденом Св. Владимира и произведен в действительные статские советники (что давало ему право называться “ваше превосходительство”»).

Спиридович предполагает, что Рубинштейн знал Вырубову с 1908 года, и считает, что он начал финансовые операции с ее капиталом еще до 1913 года. Рубинштейн оказывал финансовую помощь лицам, которых Вырубова ему рекомендовала. В апреле 1914 года он попросил ее принять на благотворительные цели сумму в 100 000 рублей. Вырубова, по глупости, приняла эти деньги и послала Рубинштейну подробный отчет о том, как они были использованы. Вскоре после этого Распутин познакомился с Рубинштейном и пригласил его к себе. С этого времени Рубинштейн регулярно снабжал Распутина деньгами. Между прочим, Рубинштейн оплачивал квартиру Распутина. Будучи начальником дворцовой охраны и имея тесные связи с директором Департамента полиции Белецким, Спиридович достоверно знал об этих делах. Спиридович пишет: «Вся финансовая сторона деятельности Распутина тщательно скрывалась от их величеств. Августейшие жители Царского Села продолжали видеть в

Распутине молитвенника, занятого исключительно религиозными вопросами». Распутин добился того, что Рубинштейна выпустили из тюрьмы в декабре 1916 года.

¹⁴ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 392 и далее.

¹⁵ См. о стачечном движении на Путиловском заводе гл. 5, § 6, а о московском антинемецком погроме в мае 1915 года — гл. 8, § 7.

¹⁶ Генерал М.Д. Бонч-Бруевич — это брат ученого-большевика В.Д. Бонч-Бруевича, который много занимался русским сектантством, а в феврале 1917 года агитировал в Петрограде казаков. См. гл. 10, § 3. Это никак не отражалось на генеральской карьере, М.Д. принимали при дворе, главнокомандующий Северного фронта Рузский был о нем очень высокого мнения. Братья Бонч-Бруевичи оставались в близких отношениях во все время войны и революции.

¹⁷ См. гл. 6.

¹⁸ См.: М.Д. Бонч-Бруевич. Вся власть советам. Москва, 1957, стр. 79. — Экономическое положение России накануне Октябрьской революции. 2 тома, Москва, 1947, том I, стр. 460–476.

¹⁹ И все-таки самая злостная антицарская пропаганда публиковалась в Германии непосредственно перед войной. Например, анонимная, богато иллюстрированная, крупного формата книга «Последний русский самодержец» (Берлин, 1913). По свидетельству генерала Спиридовича (ук. соч., т. 2, стр. 328), автором был небезызвестный князь Бебутов, уже упоминавшийся выше. См. гл. 5, § 2 и гл. 8, § 2.

²⁰ Ленин с Фюрстенбергом-Ганецким и Зиновьевым устроили нечто вроде суда чести, который обелил имя Малиновского. О дальнейшей деятельности Малиновского см. гл. 5, § 9, а также: В. Wolfe. Three who made a Revolution. New York, 1938, p. 550. — «Былое» (издание Бурцева) № 1, новая серия, Париж, 1933, стр. 120 и далее.

²¹ Olga H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War. Stanford University Press, 1940, p. 139.

²² С атмосферой эмигрантского революционного подполья в Швейцарии знакомит роман Joseph'a Conrad'a «Under Western Eyes».

²³ Существуют два письма Ленина, в которых он напоминает Шкловскому о необходимости попросить «этого мерзавца Моора» вернуть какие-то бумаги. «Мерзавец» в этом контексте выглядит скорее фамильярностью, чем ругательством. См. «Ленинский сборник» XI (1931), стр. 226.

²⁴ Роль Крупской стала известна благодаря публикации ее записных книжек в «Историческом Архиве» (№ 3, 1959).

²⁵ Н.А. Рубакин, известный в немецких документах под кличкой «доктор Мартель», написал антимонархический памфлет, который он хотел опубликовать в Германии для распространения среди военнопленных, ставя условием, что одновременно памфлет выйдет по-немецки для немецких солдат. Немецкие военные власти, разумеется, этот проект

отклонили. Трудно сказать, кто кого хотел обмануть в этом своеобразном предприятии. См. архивы немецкого посольства в Берне.

²⁶ В обширной и подробной литературе о деятельности Ленина во время войны не упоминается о человеке по имени Зифельдт. Это само по себе говорит о том, сколь осторожно надо относиться к источникам, как бы обширны и авторитетны они ни были на первый взгляд. Существование Зифельдта впервые обнаружилось в интервью доктора М. Футрелла с престарелым Кескюлой. Это натолкнуло на дальнейшие поиски, благодаря чему была обнаружена статья Зифельдта, опубликованная в 1924 году в газете «Бакинский Рабочий». Статья эта — очевидно, подлинная, — рассказывает о знакомстве Зифельдта с Лениным и о жизни русской эмиграции в Швейцарии. В ней приводится также свидетельство очевидца о посещении А. Гельфандом (Парвусом) Швейцарии весной 1915 года (гл. 5, § 4). Пребывание в то время Зифельдта в Швейцарии подтверждается и архивами охранки, находящимися в библиотеке Гувера. Смотри также: Michael Futrell. Northern underground. London, 1963. Особенно стр. 173.

²⁷ M. Futrell. Northern Underground. London, 1963, pp. 119–151.

²⁸ Z.A.V. Zeman. Germany and the Revolution in Russia (1915-1918). Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958, pp. 6, 7.

²⁹ И все же Инесса Арманд отправилась во Францию и работала там в Циммервальдском объединении. См.: A.Kriegel. Sur les rapports de Lénine avec le mouvement Zimmerwaldien français. — Cahiers du Monde Russe et Soviétique, Paris, vol. III: 2, avril-juin 1962, p. 299.

³⁰ Футрелл, ук. соч., стр. 146.

³¹ Земан, ук. соч., стр. 140–152: Preparations for a Political Mass Strike in Russia.

³² C. Lehmann und Parvus. Das Hungernde Russland. Stuttgart, 1900.

³³ Записные книжки Гельфанда содержат несколько поэтических опытов в духе военной пропаганды, призывающих объявить «газават» России, историческому врагу ислама.

³⁴ См.: Земан, ук. соч., стр. 140-152. — W.B.Scharlau. Parvus-Helphand in the First World War. (Oxford doctoral thesis, 1963, unpublished).

Во время пребывания в Берлине Гельфанд познакомился с дипломатом, доктором Куртом Ризлером, откомандированным с Вильгельмштрассе в генеральный штаб, где он работал в тесном сотрудничестве с полковником фон Хюльсенем из политического отдела.

³⁵ Земан, ук. соч., стр. 1.

³⁶ Там же, стр. 140–152. Особенно интересны указания Гельфанда относительно агитации в черноморских портах. Он настаивает, что она должна начаться немедленно, одновременно с подготовкой к массовой забастовке: «Связь с Одессой, Николаевом, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку можно установить через Болгарию и Румынию. Во время революции [1905 года] тамошние рабочие выдвигали требования локально-профессионального характера. Сначала им обещали эти требования удовлетворить,

потом отклонили, но на этом дело не кончилось. Всего два года назад там бастовали грузчики и портовые рабочие, и старые требования опять выплыли на свет. Агитация на них и должна базироваться, мало-помалу приобретая политический характер. Хотя всеобщая забастовка в черноморском бассейне вряд ли возможна, вполне реально наладить, не упуская из виду тамошнюю безработицу, локальные забастовки в Николаеве, Ростове и среди некоторых профессий в Одессе. Такие забастовки могут стать важным симптомом нарушения того перемирия, которое снизошло на внутрироссийскую распрю с началом войны».

³⁷ Земан, ук. соч., стр. 3.

³⁸ «Правда глаза колет». Стокгольм, 1918.

³⁹ См. примечание 26 к наст. главе.

⁴⁰ См. статью о Фюрстенберге-Ганецком в: «Вопросы Истории КПСС», № 3, 1964, — где подтверждается, что в 1916 году Фюрстенберг работал в Стокгольме для Ленина, однако нет никаких упоминаний о его более ранней деятельности в Копенгагене.

⁴¹ Футрелл, ук. соч., стр. 152–196; гл. 5, § 5.

⁴² Футрелл, ук. соч., гл. 7.

⁴³ Ленин. Сочинения. 3-е издание, том XX, стр. 55.

⁴⁴ Там же, том XIX, стр. 276. «Летопись» была журналом левых, и там печатались едва закамouflированные пораженческие статьи Суханова. Горький был главным сотрудником. Беленин — псевдоним Шляпникова. Под «Бончем» подразумевается Владимир Бонч-Бруевич, см. гл. 5, § 2.

⁴⁵ Это было мастерски сделано в вышеупомянутой книге Футрелла.

⁴⁶ Он вскоре передал редакторство одному из оставшихся ему верными немецких социал-демократов, а именно — Генишу. Гениш сотрудничал с другими немецкими социалистами, или, употребляя термин Ленина, «социал-патриотами». Под их руководством газета приняла более провоенное направление, чем при Гельфанде, и на страницах этого своеобразного органа встречались утверждения, что в данный момент Гинденбург является истинным борцом за социализм. После революции в Германии Гельфанд высказывал сожаление о низком политическом уровне своей газеты и оправдывался тем, что у него не было времени контролировать ее редакторский состав. В действительности же патриотические статьи в «Ди Глоке» были нужны для того, чтобы доказать германским властям, что они ничем не рискуют, поддерживая деятельность интернационального революционера русско-еврейского происхождения. См.: W.B. Scharlau und Z.A.B. Zeman. *Freibeuter der Revolution*. Kцln, 1964, S. 347. — Кроме того, см. диссертацию Шарлау (прим. 34 к наст. главе).

⁴⁷ Земан, ук. соч., стр. 10.

⁴⁸ Там же, стр. 3 и 10.

⁴⁹ См. прим. 34 к наст. главе.

⁵⁰ Земан, ук. соч., стр. 8.

⁵¹ Там же, стр. 9.

⁵² Там же, стр. 9.

⁵³ Там же, стр. 10.

⁵⁴ Земан, ук. соч., стр. 14. Брокдорф-Ранцау доложил 23 января 1916 года, что «сумма в 1 миллион рублей, предоставленная ему (Гельфанду), была немедленно переправлена в Петроград, где и употреблена на цели, для которых она была предназначена».

⁵⁵ «Красная Летопись», VII, 1923, стр. 208 и далее. Опубликовавший письмо советский архивист, некто Быстрянский, удивляется, что А. Шляпников в своей «в остальных отношениях столь ценной» книге (Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914–1916 г. 3-е изд., Москва-Петроград, 1923) дает так мало деталей событий. По мнению Быстрянского, полицейские архивы, которые еще не были опубликованы в Советском Союзе, содержат большое количество важной информации о революционной деятельности в первые месяцы 1916 года. О большевике Шляпникове см. выше, гл. 2, § 2.

⁵⁶ Обычно полиция арестовывала потенциальных главарей, если осведомители сообщали о назревающих рабочих беспорядках.

⁵⁷ См.: М. Балабанов. От 1905 к 1917 году. Москва-Ленинград, 1927, стр. 411. Балабанов считает, что цифра 100 000, сообщенная Шляпниковым, вполне правдоподобна. 100 000 демонстрантов — соответствует количеству, которое Гельфанд в разговоре с Брокдорфом-Ранцау брался вывести на улицы 9 января.

⁵⁸ Земан, ук. соч., стр. 140.

⁵⁹ Полицейское донесение описывает положение следующим образом: «После объявления Германией войны России многие иностранные подданные были удалены с завода, но, несмотря на это, отношения между рабочими и германской администрацией завода еще более обострились. Рабочие стали особенно чутко относиться ко всем распоряжкам на заводе, усматривая в них признаки злого намерения иностранцев причинить вред России. О всех злоупотреблениях заводской администрации рабочие были хорошо осведомлены и под влиянием патриотического чувства настолько сильно озлоблены, что при малейшем поводе легко могли вылить свое настроение в форме беспорядков. Узнав, например, что происходившая на Путиловской верфи при возникновении войны забастовка была умышленно вызвана бывшим директором немцем Орбановским, рабочие заявили администрации, что если кто-либо из германских подданных из состава администрации, в том числе и Орбановский, явится на завод, то будет убит. В первое время, по увольнении с завода наиболее влиятельных германских подданных, работы на заводе стали исполняться значительно скорее прежнего, но через некоторое время выполнение военных заказов вновь почему-то стало запаздывать. Ввиду сего администрации завода было разрешено задерживать на заводе необходимых для производства рабочих, хотя и подлежащих по мобилизации призыву в войска, но администрация, воспользовавшись этим разрешением, стала освобождать от призыва не тех

рабочих, которые действительно были необходимы для пользы дела, а лишь угодных ей, хотя и мало полезных лиц, в результате чего создался недостаток в опытных рабочих и снова началась задержка в изготовлении даже срочных заказов». Флеер, ук. соч. (см. прим. 21 к гл. 1), стр. 256, 257.

Агитация против немцев и администрации завода продолжалась, и в августе 1915 года рабочие потребовали удаления натурализованных лиц немецкого и австрийского происхождения.

⁶⁰ Полицейский доклад, цитируемый Флеером (ук. соч., стр. 259), объясняет перемену настроений агитацией «революционных партий»: «Под влиянием означенной агитации, принявшей самые широкие размеры в столице, на местных фабриках и заводах стали образовываться тайные кружки, устраиваться митинги и нелегальные собрания и возникать частичные забастовки... На Путиловском заводе, рабочие коего в конце августа предъявили заводу управлению, наряду с условиями экономического характера, также ряд политических требований, сводившихся к нижеследующим: 1) освобождение из ссылки пяти членов социал-демократической фракции Государственной Думы [сосланных в Сибирь в феврале 1915 года]; 2) введение всеобщего избирательного права; 3) установление свободы печати; 4) продление сессии Государственной Думы. Для подкрепления своих требований рабочие этого завода прибегли к т. н. итальянской забастовке... работа, производившаяся ранее в одну смену, стала растягиваться ими на две и более смены».

⁶¹ Флеер, ук. соч., стр. 262. «... Из всего вышеприведенного явствует, что в основе этой забастовки лежали причины чисто экономического характера, и на этой почве она, вероятно, и протекла бы, если бы в данном случае не было вмешательства со стороны революционного элемента. Руководящая «ленинская» группа, присвоившая себе наименование «Петербургского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии», считая вообще экономические выступления рабочих масс в данный момент несвоевременными и всячески противодействуя порывам рабочих создавать неорганизованные выражение недовольства отдельными промышленными предприятиями по поводу тяжелых экономических условий жизни, однако верная планам и задачам руководителей своего подполья, всегда стремится использовать всякие крупные общественные движения в своих целях. И данную забастовку путиловцев означенная организация решила использовать как возможность, приближающую к осуществлению конечных идеалов социал-демократии...»

Полицейский доклад подчеркивал, что большевики и находящиеся под их влиянием социал-демократы против закона о милитаризации промышленных предприятий, который должен был быть принят в Думе, и призывают начать гражданскую войну 10 февраля, в годовщину приговора большевистским депутатам Думы.

⁶² Флеер, ук. соч., стр. 266.

⁶³ Это были суда «Императрица Мария» и «Александр Третий». Первое поступило в распоряжение флота осенью 1916 года, но было выведено из строя актом саботажа в

севастопольском порту. Характерно, что Гельфанд в своем меморандуме делает ставку на саботаж, который, с его точки зрения, всегда должен идти рука об руку с революционной пропагандой.

⁶⁴ Флеер, ук. соч., стр. 247 и далее.

⁶⁵ Муравьев, конечно, ссылается на такие забастовки, как описанная выше забастовка на Путиловском заводе.

⁶⁶ Земан, ук. соч., стр. 149.

⁶⁷ Письмо Григоровича Горемыкину частично цитируется у Флеера (ук. соч., стр. 11). Записки Яхонтова, касающиеся секретного заседания Совета министров 26 августа 1915 года, опубликованы в АРР, XVIII, стр. 105. В неопубликованной части записок Яхонтова есть и другие сведения о немецкой подрывной деятельности, данные Григоровичем... О Яхонтове см. примечание 2 к гл. 7.

⁶⁸ Земан, ук. соч., стр. 14–15. Объяснения Гельфанда не были вполне понятны Брокдорфу-Ранцау, который дает несколько искаженную их версию. Например, он говорит, что русское правительство «предоставило многим лицам, которые до войны были связаны с революционерами, руководящие посты и таким образом сильно ослабило революционное движение». Это явная ссылка на образование рабочих групп военно-промышленного комитета.

⁶⁹ «Красная Летопись», VII, 1923, стр. 208 и далее.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ В тщательно дозированных воспоминаниях Ф. Казна, который в Копенгагене был при Брокдорфе-Ранцау чем-то вроде пресс-атташе, говорится, что автор не может рассказать всего, что ему известно о существовавшем в 1916 году у Гельфанда плане подтолкнуть революцию в России. Он подчеркивает, что «кое-что» из того, что было скрыто, так и останется тайной, потому что в бумагах министерства ничего найти не удастся. В качестве участников операции Каэн называет немецких дипломатов в Берне, Стокгольме и Копенгагене, причем читатель может понять, что в успех дела внесли свою лепту и другие немецкие представительства. — Fritz M. Cahen. *Der Weg nach Versailles*. Boldt, Boppard/ Rhein, 1963, S. 197.

⁷² Шарлау и Земан, ук. соч., (см. прим. 46 к наст. гл.), стр. 232 и далее.

⁷³ См. доклад ревизора М. Кнаца от 7 декабря 1917 года, процитированный Шарлау в его оксфордской докторской диссертации, стр. 211. См. также Шарлау и Земан, ук. соч., стр. 232.

⁷⁴ «Красная Летопись», VII, Петроград, 1923. Кондратьев пишет: «Примерно в конце или в начале кампании [по подготовке забастовки 9 января 1916 года], Краузе [Кондратьев неправильно пишет необычное имя Крузе] прибыл и остановился в гостинице «Дагмара». Получивши от кого-то [отметим осторожность Кондратьева] явку ко мне, он имел несколько свиданий со мной и с тов. Шмидтом. Ему были переданы некоторые материалы для ЦК нашей партии о ходе кампании по работе петербургского комитета. Точно так же были переданы сведения относительно последних экономических стачек в Питере». Дальше в воспоминаниях

есть интересное место, — которое вполне может быть позднейшей вставкой, — показывающее, что никаких денег получено от Краузе не было. И это могло быть правдой, так как Кескюла не располагал большими деньгами для распространения в России, а Гельфанд не использовал бы Краузе посредником в финансовых делах. В статье говорится: «Помню, на одном из свиданий с Краузе, где мне пришлось присутствовать вместе с тов. Шмидтом, был затронут вопрос об отчислении денежных сумм ЦК, которые необходимы были для обратного проезда Краузе. Мы тогда не имели абсолютно никакой возможности хоть сколько-нибудь уделить средств Центральному Комитету и предложили Краузе 25 рублей, от которых, конечно, последний отказался».

⁷⁵ Подробно о жизни и судьбе Краузе см.: Футрелл, ук. соч., глава VI.

⁷⁶ Земан, ук. соч., стр. 12-14. Одним из документов, вывезенных из России организацией Кескюлы, была Диспозиция № 1 Комитета народного спасения. См. гл. 8, § 2.

⁷⁷ См. гл. 5, § 2.

⁷⁸ Шерер и Грюневальд, ук. соч., стр. 488, 570, 689.

⁷⁹ Там же, стр. 467.

⁸⁰ См. письмо Штейнваксу в архивах немецкого посольства в Берне.

⁸¹ То есть меньшевики-пораженцы.

⁸² Ленин. Сочинения. 3-е изд., т. XX, стр. 5, 6 и далее.

⁸³ Германский канцлер утверждает, что он инструктировал своего посланника в Берне организовать эту операцию сразу после получения известий о Февральской революции в Петрограде. Гельфанд поддерживал этот план. (Генеральный штаб, в лице главы политического отдела, полковника фон Хюльсена, готов был всемерно способствовать делу, с полного одобрения Людендорфа; если бы шведы отказались пропустить политических эмигрантов, то германская армия позаботилась бы о том, чтобы переправить их через линию фронта.

⁸⁴ Документированное описание можно найти в книге: Werner Hahlweg. Lenins Rückkehr nach Russland. Leiden, 1957. Все прочие данные сверять с приведенными в этой книге.

⁸⁵ Кайзера благоразумно ни о чем не осведомляли. Когда он позже узнал из газет, что группа русских революционеров хочет вернуться на родину через Германию, то немедленно принялся советовать, как это устроить, чего от них потребовать и какие дать указания. На счастье немецкой администрации, советы, которые могли разрушить всю операцию, запоздали, так что кайзера успокоили заверением, что все его желания были предвидены. — См.: Хальвег, ук. соч., стр. 93 и далее.

⁸⁶ Земан, ук. соч., стр. 42, цитируется Радек.

⁸⁷ Там же, стр. 52.

⁸⁸ См. Хальвег, ук. соч., стр. 93 и далее. — Земан, ук. соч., стр. 53.

⁸⁹ Земан, ук. соч., стр. 53.

⁹⁰ Там же, стр. 54-56.

⁹¹ Gustav Mayer. Erinnerungen. Zürich und Wien, 1949.

⁹² Там же, стр. 260. «Больше всего Нассе привлекал мой абсолютно надежный адрес. Время от времени, по почте или через связных, главным образом женщин, я получал письма, рукописи, иногда денежные переводы, которые должен был хранить, не распечатывая, пока Нассе, или его доверенные лица, их не заберут. Иногда, однако, мне приходилось самому все относить таким адресатам, с которыми, как предупреждал Нассе, мне, в моих собственных интересах, не следовало иметь никаких сношений».

⁹³ Относительно установления личности Байера см. статью: Otto-Ernst Schueddekopf in «Archiv für Sozialgeschichte», В. III, 1963.

⁹⁴ Это подтверждается тем обстоятельством, что в начале следующего финансового года, когда Редерн представлял рейхстагу свои сметы по возобновлению кредита, он запросил министерство иностранных дел, может ли он «сопроводить свои последние сметы . . . некоторыми комментариями, относящимися к внешней политике, чтобы несколько оживить атмосферу». Ему не позволили этого сделать. См.: Земан, ук. соч., стр. 119.

⁹⁵ Ср. «письма, рукописи» и т.д. Майера — примечание 92.

⁹⁶ Ленин. Сочинения. Том XXIX, стр. 355 и далее.

⁹⁷ Этот документ был впервые опубликован в «International Affairs», в апреле 1956 года. С тех пор о нем много говорилось, даже и в советском историческом журнале «Вопросы Истории» (там он трактуется как «последняя фальшивка»). См. также: Земан, ук. соч., стр. 94–95.

⁹⁸ A. F. Kerensky. Crucifixion of Liberty. London, 1934, p. 285.

⁹⁹ Госпожа Суменсон, из петроградского полусвета. Через нее поддерживалась связь с Фюрстенбергом.

¹⁰⁰ Футрелл, ук. соч., стр. 167. Это обеспечивало большевикам вторую линию защиты, так как они могли утверждать, что деньги, посланные Козловскому из Скандинавии, были предназначены не для них, а для польско-литовской социал-демократической партии, борющейся против немецкой оккупации в Польше.

¹⁰¹ В статье говорится, что Фюрстенберг, приехав в Копенгаген в 1915 году через Францию и Англию, стал работать в коммерческом предприятии, которое финансировал Гельфанд, потому что а) он считал Гельфанда порядочным человеком (и все еще считает); б) потому что эта работа давала ему возможность не только содержать семью, но и оказывать значительную финансовую помощь польской партии, организованной в русской Польше, что он и делал. «Политически Фюрстенберг ни в какой мере не был связан с Гельфандом. Наоборот, поддерживая печать и организацию польской партии, которая была в резкой оппозиции к германским оккупационным властям и стояла на платформе левых циммервальдцев, открыто заявляя о своей солидарности с Либкнехтом, Фюрстенберг работал против политики Гельфанда. Только история покажет, чье суждение о Гельфанде как о человеке правильно — Ленина или Фюрстенберга».

¹⁰² Из письма Казна к Брокдорфу-Ранцау, факсимиле которого приложено к книге Казна, мы узнаем, что Майер вновь был в Стокгольме в сентябре и неоднократно видел Радека, с которым обсуждал, как можно будет организовать защиту Ленина, если в Петрограде дойдет до суда. (См. прим. 71 к настоящей главе).

¹⁰³ Ленин. Сочинения. Том XXIX, стр. 358.

¹⁰⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б), август 1917-февраль 1918. Москва, 1958, стр. 69, 70.

¹⁰⁵ Карл Моор приехал в Советский Союз после Октябрьской революции и работал с Куртом Ризлером, советником германского посольства при графе Мирбахе. О нем (разумеется, под именем Байер) часто упоминается в германских документах того времени. В 1919 году он вернулся в Берлин и помог извлечь Радека из тюрьмы, куда тот попал за авантюристическую попытку устроить коммунистическую революцию в Германии. Карл Моор был посредником между ним и германскими социал-демократическими кругами. Позже он вернулся в Россию, где имел какие-то затруднения с ГПУ. В 1925 году жившие в Москве и встречавшиеся с ним иностранцы подозревали его в связях с ГПУ. В примечаниях «Ленинского Сборника» XI (1931) сказано, что он жил в доме для престарелых революционеров имени В.И. Ленина. Умер Моор не в России. После нескольких лет тяжелой болезни ему разрешили уехать, и он умер в больнице Шарите, в Берлине, 14 июня 1932 года. Швейцарские социалистические газеты поместили о нем теплый некролог. То же сделал германский социалист, писатель-сталинист Курелла. Подробнее о Мооре см.: Otto-Ernst Schueddekopf. In: «Archiv fur Sozialgeschichte», В. III, 1963.

¹⁰⁶ Каэн, ук. соч., стр. 220.

¹⁰⁷ Футрелл, ук. соч., стр. 157, 165–167.